

ГЛОБАЛЬНЫЙ ДИАЛОГ

7.4

4 выпуска в год на 17 языках

Беседа
с Кари Поланьи Левитт

Что такое
трампизм

Оборона социологии
в Аргентине

Питер Эванс,
Рака Рэй,
Кристина Мора,
Рут Милкман,
Дилан Райли,
Джихан Тугаль,
Гэй Сидман

Хуан Пиовани,
Фернанда Бейгель,
Алехандро Гримсон,
Агустин Сальвиа,
Беренисе Рубио,
Габриэль Кесслер

Специальные колонки

- > Вспоминая Али Шариати
- > «Глобальный диалог» по-китайски

ЖУРНАЛ

International
Sociological
Association
isa

ТОМ 7 / ВЫПУСК 4 / ДЕКАБРЬ 2017
<http://isa-global-dialogue.net>

ГД

Краткая история «Глобального диалога»

«Глобальный диалог» появился в 2010 году и сначала был восьмистраничным бюллетенем. Он издавался на четырёх языках: английском, французском, испанском и китайском. Четыре человека подготавливали бюллетень к выпуску в обычной программе пакета Microsoft. За семь лет бюллетень вырос и стал настоящим журналом объемом примерно в сорок страниц, выходящим четыре раза в год на 17 языках. Над каждым выпуском работают более ста человек со всего мира. К настоящему моменту вышел 31 номер-журнала, опубликовано около 550 статей, написанных авторами из 69 стран. Мы с самого начала стараемся сделать материал доступным для всех читателей, чтобы его было легко переводить и распространять. В конце концов, социология несёт важное послание миру, дрейфующему в сторону множественных катастроф, и с каждым годом это послание становится всё важнее.

Доступные нам новые технологии способны приблизить эти бедствия. Однако они также являются для нас источниками новых возможностей. «Глобальный диалог» сделали возможным цифровые СМИ, но следует помнить, что журнал не появился бы на свет без труда множества людей. Пусть МСА и может предоставить лишь символическую компенсацию за самоотверженный труд, но молодые социологи под руководством более опытных коллег продолжают переводить ГД на свои родные языки, в том числе на те, которые оказались в маргинальной позиции в процессе глобализации. Энтузиазм этих людей поражает и радует меня!

Ещё на раннем этапе наш графический дизайнер Август Бага (также известный как Арбу) предложил сделать «Глобальный диалог» визуально ярким и запоминающимся. Вместе с Лолой Бусуттил, владеющей тремя языками МСА, они стали исполнительными редакторами журнала. Лола контролирует процесс и следит за тем, чтобы каждый выпуск на каждом языке отвечал высоким стандартам качества. Благодаря сотрудничеству Августа и Лолы каждый номер журнала радует глаз тщательно выверенным дизайном. За электронный доступ к журналу отвечает Густаво Танигути — создатель и администратор сайта «Глобального диалога».

На посту вице-президента, а позже и президента МСА я пользовался своей привилегией, чтобы познакомиться с социологами из всех уголков мира. Благодаря этим контактам журнал пополнялся новым содержанием. Когда мне становилось трудно привести статьи к подходящему формату, я обращался за помощью к Гэй Сидман. До того, как стать выдающимся социологом, она работала журналисткой и редактором. Гэй благородно вызвалась

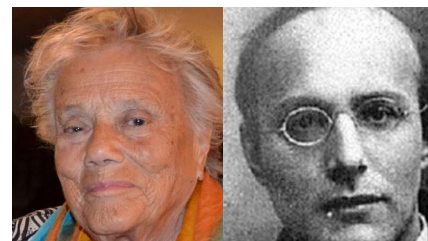
помочь с решением совсем непростой задачи — переводом статей с социологического жаргона на простой и элегантный английский. Бережно относясь к авторскому стилю, она эффективно и результативно справлялась с работой, давая нам бесценные консультации по ходу создания каждого номера. Неанглоязычные тексты, перед тем как попасть в искусные руки Гэй, переводились на английский язык командой магистрантов Калифорнийского университета в Беркли.

Я бы хотел выразить благодарность ещё множеству людей. Первым в их списке будет Роберт Роджек из фонда SAGE, бескорыстно предложивший нам финансовую помощь. С самого начала Изабела Барлинска, гений организации и преданная делу сотрудница МСА, была опорой «Глобального диалога». Все семь лет жизни журнала я пользовался поддержкой Исполнительного комитета МСА, без которой вся затея стала бы невозможной. После моего ухода с поста президента Маргарет Абрахам, возглавившая МСА, а вслед за ней Винита Синха с энтузиазмом отнеслись к продолжению «Глобального диалога». Теперь у нас два прекрасных новых редактора — Бригитта Ауленбахер и Клаус Дёрре, которые помогут журналу достичь новых высот. Не стесняйтесь писать им, если у вас есть идеи, касающиеся содержания и направления развития «Глобального диалога».

На страницах «Глобального диалога» мы наблюдаем приливы и отливы мировой истории. В 2010 году мы начали обсуждать последствия глобального кризиса 2008 года и расцвет оптимистически настроенных социальных движений — таких как Оккупай, Арабская весна, испанское движение «Возмущённых» (Indignados) и аргентинские «Пикетерос». Кроме того, мы писали о рабочих, экологических, феминистских и других движениях за социальную справедливость. Однако начиная с 2013 года тучи сгущаются: мы стали свидетелями реакционного, антидемократического поворота. Нашим пророком стал Карл Полаanyi. Мы заново узнали то, что много лет назад прочли в его книге «Великая трансформация»: реакционные движения, направленные против вышедшего из-под контроля рынка, в равной степени могут быть как фашистскими, так и социалистическими, как авторитарными, так и демократическими. Нам предстоит еще раз глубоко проработать его анализ противоречий между капитализмом и демократией. Таким образом, представляется актуальным, что мой последний выпуск начинается с интервью с Кари Полаanyi Левитт, в котором она рассказывает о жизни своего отца, Карла Полаanyi, и окружавшем его мире, давшем толчок развитию его таланта.

Все семь лет на посту главного редактора я пытался развернуть дискуссии, рассчитанные на широкий круг национальных социологий, и никогда не ограничивался обсуждением социологических дебатов в США. Однако для последнего выпуска ГД со мной в роли главного редактора я попросил семерых своих друзей и коллег рассмотреть расцвет тремпизма через призму собственных исследовательских интересов. Они поместили США в контекст исторического и глобального правого поворота. Одной из характерных черт этой реакционной эпохи является то, что социология переходит в оборону — при этом она защищается не только от неолиберализма, но всё чаще от набирающего силу авторитаризма. Социальные учёные Аргентины во главе с Хуаном Пиовани ведут оборону национальной социологии, организуя исследования, демонстрирующие профессиональные, политические, критические и публичные аспекты дисциплины. Из взгляды представлены в пяти статьях, опубликованных в этом номере. Несмотря на то, что этот проект был запущен совсем недавно, на него стоит обратить внимание и другим национальным социологиям.

Наконец, мы не должны забывать наших предшественников — социологов, восстававших против авторитаризма. Одним из них является знаменитый мусульманский учёный-марксист Али Шариати, скончавшийся в 1977 г., за два года до предсказанной им Иранской революции. Исследователям революции не дают покоя его идеи о том, каким мог быть этот переворот, к чему он мог привести. Сейчас нам остро недостаёт пророков, подобных Шариати, способных вдохновить социологию на баланс между детерминизмом и утопией. «Глобальный диалог» остаётся местом, где мы можем коллективно обозначить и увидеть новые возможности, а также рупором, через который мы предупреждаем о том, как легко разрушить нашу маленькую планету. ■

Кари Поланьи Левитт в беседе с Майклом Буравым рассказывает о своём знаменитом отце Карле Поланьи.

Питер Эванс, Рака Рэй, Кристина Мора, Рут Милкман, Дилан Райли, Джихан Тугаль и Гэй Сидман обсуждают истоки и значение тремпизма.

«Глобальный диалог» стал возможен благодаря щедрому гранту SAGE Publications.

- > «Глобальный диалог» доступен на 17 языках на [сайте МСА](#).
- > Присылайте статьи [Бригитте Ауленбахер](#) и [Клаусу Дёрре](#).

> Редакторский совет

Редактор: Майкл Буравой.
Заместитель редактора: Гэй Сидман.
Исполнительные редакторы: Лола Бусуттил, Август Бага.

Редакторы-консультанты:
Маргарет Абрахам, Маркус Шульц, Сари Ханафи, Винита Синха, Бенхамин Техерина, Розмари Барбарет, Изабела Барлинска, Дилек Чиндоглу, Филомин Гутьеррес, Джон Холмвуд, Гильермина Джассо, Калпана Каннабиран, Марина Куркчиян, Саймон Мападименг, Абдул-мумин Саад, Айсе Сактанбер, Сели Скалон, Савако Сирахасэ, Грацина Скапска, Эвангелия Тастсоглу, Чин-Чун И, Елена Здравомыслова.

Региональные редакторы

Арабский мир:
Сари Ханафи, Мунир Сайдани.

Аргентина:
Хуан Игнасио Пиовани, Пилар Пи Пуиг, Мартин Уртасун.

Бангладеш:
Хабибуль Хаке Хондкер, Хасан Махмуд, Джуфель Рана, У. С. Рокея Ахтер, Туфика Султана, Асиф Бин Али, Хайрун Нахар, Казим Фадия Эша, Хелаль Уддин, Мухаймин Чаудхури.

Бразилия:
Густаво Танигути, Андреса Гальи, Анжело Мартинс Младший, Лукас Амараль, Бенно Альвес, Жулио Давьес.

Индия:
Рашми Джайн, Джьоти Сидана, Прагья Шарма, Нидхи Бансал, Панкадж Бхатнагар.

Индонезия:
Каманто Сунарто, Хари Нугрохо, Лучия Ратих Кусумадеви, Фина Итрия, Индера Ратна Иравати Паттинасарани, Бенедиктус Хари Джулиаван, Мохаммад Шохибудиин, Домингус Элчид Ли, Антониус Арио Сето Харджана.

Иран:
Рейханех Джавади, Сина Бастани, Мина Азизи, Хамид Гейссари, Вахид Ленджанзаде.

Казахстан:
Айгуль Забиров, Баян Смагамбет, Адиль Родионов, Алмаш Тлеспеева, Куаныш Тель.

Польша:
Якуб Барщевски, Катажина Дембска, Паулина Домагальска, Адрианна Дроздовска, Лукаш Дульняк, Ян Фрыдрых, Кшиштоф Губаньски, Сара Херчиньска, Кинга Якела, Юстина Кошиньска, Каролина Миколаевска-Зайонц, Адам Мюллер, Зофия Пенза-Габлер, Анна Вандзель, Яцек Зых, Лукаш Жолондек.

Россия:
Елена Здравомыслова, Елена Никифорова, Анастасия Даур.

Румыния:
Козима Ругиниш, Раиса-Габриэла Замфиреску, Мария-Лоредана Арсене, Тимя Барабаш, Диана Александра Думитреску, Раду Думитреску, Юлиан Габор, Дан Гытман, Алина Хоарэ, Александра Иримие Ана, Александра Избэшой, Родика Лисяну, Кристиана Лотря, Мэдэлина Маня, Анда-Оливия Марин, Бьянка Михэйлэ, Андрея Елена Молдовяну, Рареш-Михай Мушат, Оана-Элена Негря, Мьоара Параскив, Кодруц Пынзару, Йон Даниэль Попа, Анда Родидял, Адриана Соходоляну.

Тайвань:
Цзин-Мао Хо.

Турция:
Поль Чорбаджоглу, Ирмак Эврен.

Япония:
Сатоми Ямамото, Масатака Эгути, Кота Накано, Ая Сато, Каори Саэки, Рихо Танака, Мариз Ямамото.

Медиаконсультант: Густаво Танигути.

> В номере

От редактора: краткая история «Глобального диалога»	2
Создание «Великой трансформации»: беседа с Кари Поланьи Левитт Майкл Буравой, США	5

> СОЦИАЛЬНЫЕ ПРЕДПОСЫЛКИ ТРАМПИЗМА

Что стоит за риторикой Трампа об экономическом национализме Питер Эванс, США	11
Трампизм и рабочий класс белых мужчин Рака Рэй, США	14
Иммиграция и политика эры Трампа Г. Кристина Мора, США	16
Трам как угроза для рабочего класса Рут Милкман, США	18
Американский брюмер? Дилан Райли, США	21
Подъем правого ленинизма Джихан Тугаль, США	24
Демократия в Бразилии и ЮАР под угрозой Гэй У. Сидман, США	27

> ОБОРОНА АРГЕНТИНСКОЙ СОЦИОЛОГИИ

В фокусе — Аргентина Хуан Игнасио Пиовани, Аргентина	30
Картография аргентинских социальных наук Фернанда Бейгель, Аргентина	32
Социальное и культурное разнообразие в Аргентине Алехандро Гримсон, Аргентина	35
Социальное неравенство в современной Аргентине Агустин Сальвио и Беренисе Рубио, Аргентина	38
Изучение социального капитала в Аргентине Габриэль Кесслер, Аргентина	41

> СПЕЦИАЛЬНЫЕ КОЛОНКИ

Али Шариати, забытый социолог ислама Сухил Расул Мир, Индия	43
«Глобальный диалог» по-китайски Цзин-Мао Хо, Тайвань	45

> Создание «Великой трансформации»

Беседа с Кари Поланьи Левитт

Кари Поланьи Левитт.

МБ: Начнём с самого начала. Мы привыкли считать Карла Поланьи венгром, но фактически он родился в Вене, не так ли?

КПЛ: Да, совершенно верно. Интересно, что и мой отец, и я родились в Вене, а моя мать родилась в городке неподалёку от Вены. Безусловно, Вена была крупнейшим центром интеллектуальной жизни, великой метрополией Австро-Венгерской империи.

Мать и отец Карла Поланьи познакомились и поженились в Вене. Мать Карла, Сесилию Воль, отец отправил из Вильны, тогда находившейся в России, в Вену получать образование. В результате она знала русский и немец-

Карл Поланьи — классик социологии и не только. Его ключевая работа «Великая трансформация» имеет отношение практически к каждому разделу социологии; она также оказала влияние на экономику, политические науки, географию и антропологию. Это труд представляет собой критику рыночной экономики как системы, разрушающей саму ткань общества. В последние сорок лет, в период расцвета неолиберальной мысли и неолиберальных практик, «Великая трансформация» приобретает всё больше последователей. В книге исследуются источники и последствия коммодификации. Одновременно она рассказывает о реакционных движениях, возникших как протест против этого процесса. Именно из этих движений выросли как фашизм и сталинизм, так и социальная демократия. Соответственно, этот труд представляется актуальным для нынешнего глобального контекста. Карл Поланьи родился в 1886 г. и умер в 1964 г. Его дочь, **Кари Поланьи Левитт**, в интервью рассказывает о жизни отца и идеях, которые привели его к написанию «Великой трансформации». Она также упоминает об особых отношениях, связывавших её родителей: её мать, Илона Дучинская, всю жизнь была политической активисткой и обладала развитым аналитическим мышлением. Кари Поланьи Левитт разделяет жизнь отца на четыре фазы: венгерскую, австрийскую, английскую и североамериканскую. Сама доктор Левитт — экономист, живёт в Монреале. Она опубликовала множество работ, в том числе книгу «От великой трансформации к великой финансовализации» (*From the Great Transformation to the Great Financialization*, 2013) и сборник «Жизнь и труды Карла Поланьи» (*The Life and Work of Karl Polanyi*, 1990). Ниже мы приводим краткую версию публичной беседы доктора Левитт с **Майклом Буравым**, которая произошла во время одной из множества международных конференций, посвящённых наследию Карла Поланьи, организованной Бригиттой Ауленбахер и её коллегами из Университета Иоганна Кеплера в Линце (Австрия) и проходившей с 10 по 13 января 2017 г.

кий языки. В Вене она встретила отца Карла, молодого венгерско-еврейского инженера Михая Поллачека. Он говорил по-венгерски и по-немецки.

Так что семья получилась немецкоговорящей. И не так давно я прочла в переписке, что мой отец не знал венгерского, пока не поступил в будапештскую Гимназию.

Венгерский период жизни отца, безусловно, имел огромное значение. Определяющую роль в нём сыграло русское влияние — политическое влияние русских социалистов, которые в то время сильно отличались от социал-демократов. Этот социализм был больше ориентирован на деревню, на крестьянство. В нём были элементы анархизма. Коммуны, естественно, были важной частью этой политической структуры. И надо сказать, что это русское влияние балансировалось отцом моего отца, который был, наоборот, англофилом. И если в жизни моего отца были важные литературные фигуры, то их было две: Шекспир — томик из его английского собрания сочинений он увёз с собой на войну — и из всех великих русских писателей, я бы сказала, Достоевский.

МБ: И ещё было влияние русских революционеров-эмигрантов, в том числе Клячко.

КПЛ: Да, Самуил Клячко был выдающимся человеком. Он жил в Вене. Он был неофициальным эмиссаром, связывающим русских революционеров с международными, в частности с европейскими. Он родился в еврейской семье в Вильне, а молодость провёл в русской коммуне в Канзасе. Коммуна долго не продержалась. Она в итоге распалась, и говорят, что он пригнал оттуда 3000 голов скота в Чикаго, а потом его видели в Межнациональном профсоюзе дамских портных в Нью-Йорке. Он был активистом. Канзасская коммуна называлась в честь русского политического деятеля Николая Чайковского.

А когда Клячко приехал в Вену, он близко подружился с семьёй Поллачек и стал общаться с русскими, которые покупали марксистскую литературу и вообще чем-то таким занимались в Вене.

И отец мне сказал — и я этого никогда не забуду! — что эти люди произвели на него огромное впечатление, как и на его кузена Ирвина Сабо, который был важной фигурой венгерской интеллектуальной жизни; он тоже был своего рода анархосоциалистом. У некоторых из них не было обуви, и они оборачивали вокруг ног газеты. Отец был невероятно впечатлён героизмом и храбростью этих людей. И вообще отец испытывал... я хотела сказать «романтическое», но в любом случае огромное уважение к этим революционерам, особенно к Бакунину, который, как я полагаю, был самым выдающимся из них; этому человеку удалось сбежать из всех тюрем Европы.

МБ: И социально-революционные симпатии остались с ним на всю жизнь, что отчасти объясняет его неоднозначное отношение к большевикам.

КПЛ: Да, они остались с ним на всю жизнь. Это объясняет его антагонизм в отношении российских социал-демократов, ведь в этой партии состояли те, кто позже сформировал большевистскую фракцию.

МБ: Ваш отец уже в студенческие годы был политическим активистом. Так?

КПЛ: Да, он был основателем и первым президентом студенческого движения, известного как «Круг Галилея». Они издавали журнал «Сабад гондолат» (Szabad Gondolat), что значит «Свободная мысль». Деятельность «Круга» была направлена против монархии, аристократии, церкви и Австро-Венгерской империи. «Круг» не был социалистическим движением, хотя многие участники и были социалистами. И наконец, в нём состояли молодые люди, которые учились в гимназиях и университетах. Я где-то читала, что это движение проводило до 2000 уроков грамотности в год. Так что главной их деятельностью было образование.

МБ: А потом началась Первая мировая война.

КПЛ: На войне он служил в кавалерии на российском фронте. Ситуация была ужасной. Она была одинаково ужасной для австро-венгров и для русских. Он заразился чудовищной болезнью, тифом. Потом он мне рассказывал, что когда его лошадь споткнулась и упала прямо на него сверху, он думал, что умрёт, но потом очнулся в военном госпитале в Будапеште.

МБ: А в конце войны произошла Венгерская революция.

КПЛ: Венгерская революция 1918-го произошла в самом конце войны. Граф Каройи стал президентом Первой республики осенью того года. Поэтому ее ещё называют Революцией Астр или Хризантем, или ещё в честь какого-нибудь осеннего цветка.

Затем последовала скоротечная Революция Советов, которая закончилась в 1919 контрреволюцией, вынудившей венгерских интеллектуалов, активистов, коммунистов, социалистов, либералов эмигрировать в Вену. Включая моего отца.

МБ: То есть, ваш отец уехал ещё до окончания революции?

КПЛ: Да, до окончания.

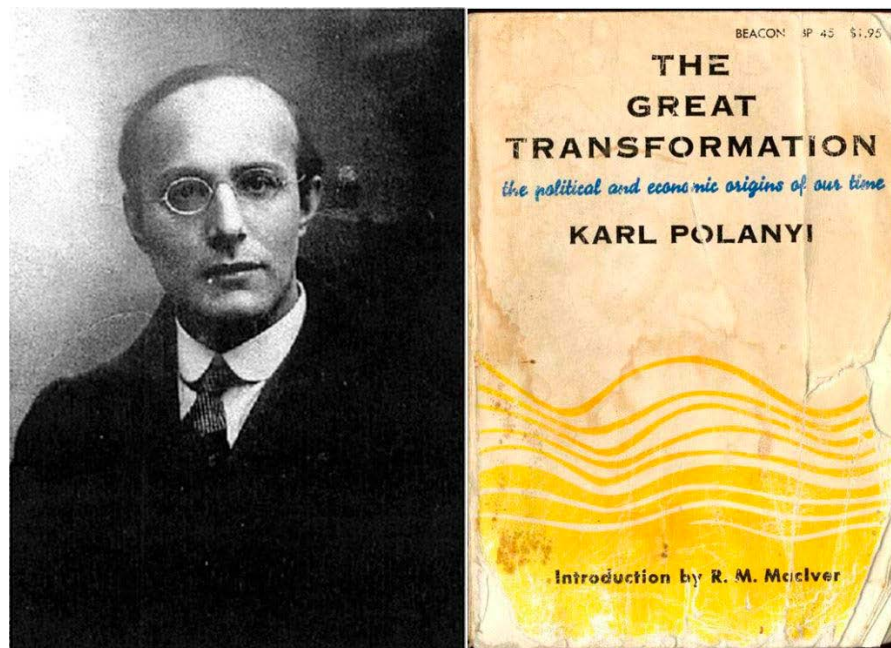
МБ: Как он относился к Венгерской революции?

КПЛ: Двойко, как и многие. Я думаю, поначалу они приветствовали формирование советов по всей стране. Но когда советы решили полностью национализировать коммерческую деятельность — любую — полагаю, он подумал, что это очень плохо кончится. Так всё и произошло в действительности.

МБ: Значит, верхушка Венгерской коммунистической партии бежала из Будапешта в Вену?

КПЛ: Да. У компартии в изгнании было два лидера: Бела Кун и Дьёрдь Лукач. Между ними было некоторое соперничество. В связи с этим расскажу забавную историю из жизни моей матери. 1919 год она провела в Москве, где работала с Карлом Радеком — в силу своих языковых способностей и образования. Они организовывали собрания Второго коммунистического интернационала. Потом, когда она собиралась обратно в Вену, ей поручили передать венгерским коммунистам в изгнании некую материальную помощь. Это был бриллиант, спрятанный в тюбике зубной пасты. Но что интересно, она должна была доставить его Лукачу, потому что он был

>>>

Карл Поланьи, автор «Великой трансформации».

сыном банкира и, наверное, считался более надёжным человеком, чем Кун.

МБ: Но к этому моменту ваши родители ещё не были знакомы. Они познакомились в Вене в следующем 1920 году. Так?

КПЛ: Эта судьбоносная встреча произошла на вилле, предоставленной неким венским доброжелателем в распоряжение венгерским коммунистам и левонастроенным эмигрантам. По словам матери, среди этих молодых мужчин она была душой компании, и никто не ожидал, что её заинтересует джентльмен на десять лет старше неё, чья жизнь, казалось бы, уже давно прошла. Он сидел в углу и строчил заметки в подавленном состоянии духа...

МБ: Но у них был совершенно разный характер. Одна скорее активистка, другой скорее интеллеktуал; она — в траншеях на передовой, он — в кабинете с книгами.

КПЛ: И да, и нет. Знаете, мой отец, где бы ни жил, участвовал во всём, что происходило вокруг. Он писал статьи для широкой публики, для всех, кто мог прочесть его слова, и публиковался у всех подряд. Так было в Венгрии. И в Вене. И в Англии тоже.

И вот, его живо интересует всё происходящее. Он интеллеktуал, да. Но не интеллеktуал с идеей-фикс, с одержимостью, которую некоторые лелеют и носятся с ней, куда бы ни пошли. Нет, нет. Совсем нет!

Мать стала активисткой в юности и была выдающейся прославленной молодой участницей Венгерской революции. В некотором смысле это был самый яркий период ее жизни, и позже ей не пришлось совершить ничего, что могло бы сравниться с этим. Поэтому она всегда была немного грустной. Понимаете, когда в раннем возрасте достигаешь цели, к которой отчаянно стремишься — в данном случае становишься выдающимся участником коммунистического социалистического движения — всё, что ты делаешь потом до самого конца своей жизни, с этим просто не сможет сравниться.

МБ: Значит, у них обоих был печальный опыт. А потом в 1923 году случилось знаменательное событие. Родились Вы! И это вернуло вашим родителям молодость.

КПЛ: Да, отец сам говорил, что моё рождение помогло ему выкарабкаться из депрессии. Это очень личный опыт, как и все подобные вещи. Тем не менее, он много об этом писал. Он писал об ответственности, которую, как ему казалось, несёт его поколение за все произошедшие кошмарные вещи, особенно за ужасную, бессмысленную, идиотскую войну. Он очень много писал о Первой мировой, о том, как она почти ничего не изменила. По его словам, никогда не было до конца ясно, из-за чего эта война. Это была просто кровавая бойня. Человеческая катастрофа. И он чувствовал, что его поколение несёт за это ответственность.

И это чувство ответственности — социальной ответственности за состояние мира и страны — было ли оно характерной чертой того поколения, исчезло ли оно теперь? Есть ли до сих пор люди, в том числе интеллеktуалы, которые бы чувствовали такую же ответственность за общество, как мой отец и многие представители его поколения?

МБ: Это действительно особенное поколение, и тому есть несколько причин. Одной из них была социалистическая реконструкция Вены, проходившая с 1918 по 1933 год, — «Красная Вена». Она как раз пришлась на те годы, которые ваш отец провёл в этом городе.

КПЛ: Да, «Красная Вена» — необыкновенный исторический эпизод, выдающийся эксперимент муниципального социализма. Тогда рабочие обладали социальными правами — в том, что касается социального обеспечения. Кроме того, были построены замечательные общежития. Карл-Маркс-Хоф — выдающийся пример нового дома для рабочих.

И это не всё. В Вене была необычная культурная атмосфера. Об этом свидетельствует тот факт, что Карл Поланьи, человек без статуса, не прикрепленный ни к какому университету, мог читать публичные лекции о социализме и

>>

не только о нём. Он бросил вызов рыночно-ориентированному мышлению Людвигу ван Мизеса, опубликовав статью в крупном финансовом издании. Мизес ему ответил, и мой отец вступил с ним в переписку. В сообществе, за пределами университетов, кипела бурная интеллектуальная жизнь.

МБ: Что вы помните из этого периода?

КПЛ: Я тогда была ещё ребёнком, но мне запомнились чудесные летние лагеря на берегах прекрасных зальцбургских озёр. Все они были организованы социалистическим движением. И люди со всего мира приезжали посмотреть на Красную Вену как на пример современного урбанизма в лучшем его проявлении.

Хотя мои родители не испытывали большой любви к социал-демократии, позже оба они признали, что в Вене — так называемой Красной Вене — они провели яркие и несравненные годы. Только в этом ключе мать говорила хоть что-то похвальное о социал-демократах. Отец на самом деле тоже не испытывал особого энтузиазма по поводу их деятельности.

МБ: В 1922 году ваш отец написал знаменитую статью об экономическом расчёте в социалистической экономике. В ней провозглашалось немного другое видение социализма — гильдейский социализм, на который повлиял и венский муниципальный социализм.

КПЛ: Посмотрите. В то время в мире не было ни одной страны с социалистической экономикой, так? Россия оправлялась от ужасной гражданской войны. И были интеллектуальные дебаты о возможности организации социалистической национальной экономики. И Мизес сделал первый ход. Он написал статью, где сказал, что это невозможно, потому что без рынков, формирующих цены, не существует рационального метода распределения ресурсов. Я уверена, что те из вас, кто изучает экономику, знакомы с этим аргументом. А потом Поланьи поставил этот тезис под сомнение, разработав модель кооперативного социализма на основе идей Отто Бауэра и Дж. Д. Х. Коула.

МБ: Как ваш отец относился к российской революции 1917 года во время венского периода своей жизни?

КПЛ: Ну, во-первых, первая российская революция 1917 года — Февральская революция — ознаменовала собой конец войны. Он считал, что это здорово, потому что он, как и почти всё население Венгрии, хотел, чтобы война закончилась. Война совсем не пользовалась популярностью. Потом она закончилась. Первая русская революция, я думаю, приветствовалась.

МБ: А что насчёт Октябрьской революции?

КПЛ: Для Поланьи и Февральская, и Октябрьская революции были буржуазными революциями. Это была последняя волна после Французской революции, которая прокатилась по всей Европе, и вот она достигла самой отсталой европейской страны, России. Вот как он об этом говорил.

МБ: Значит, настоящая революция пришла позже, с переходом к коллективизации и пятилеткам?

КПЛ: Да. Я думаю, он бы сказал, что социализм пришёл только с Первым пятилетним планом, после 1928 или 1929. До этого Россия была преимущественно крестьянской страной, аграрной страной. Вот недавно нашли интересную статью, которую он написал в колледже Беннингтон в 1940 г. Он там говорит о внутренней дилемме России. Говоря простым языком, рабочий класс, на который опиралась Коммунистическая партия, контролировал города и зависел от крестьянства, которое контролировало продовольственное снабжение в сельской местности. Но была ещё и внешняя дилемма: российские крестьяне не могли экспортировать зерно, потому что мировые рынки рухнули в период Великой депрессии, а зерно в то время было главным экспортным товаром СССР.

Это привело к решению провести ускоренную индустриализацию самой отсталой страны в Европе — и провести её как социалистический проект национализации, причём не только промышленности, но и сельского хозяйства.

МБ: И здесь уже есть парадокс, да? Потому что до этого момента мы слышали, как он ратует за социалистов-революционеров и демократию прямого участия, но теперь кажется, что он поддерживает сталинизм.

КПЛ: Да. Но многие говорили, и в отношении жизни моего отца в том числе, что все очень сильно зависит от контекста. И что так привлекательно в его позиции, но в то же время иногда порождает внутренние противоречия, — так это то, что она не основывается на одном-единственном принципе, так сказать. Она исходит из анализа ситуаций и возможностей.

Вот первая полярность: реальность и свобода. Какова была реальная ситуация и каковы были возможности России в то время? Вот происходит революция, которую возглавляет пролетарская партия. Вот крестьянство, которое не хочет национализации — оно хочет владеть землёй. И они владели землёй. И у них была огромная власть, поскольку они контролировали продовольствие.

А вот международная ситуация. Чуть позже появляется фашизм в 1930-х. Только в Англии мой отец становится ярким сторонником Советского Союза, в контексте надвигающегося конфликта с немецким экспансионизмом и нацизмом.

МБ: Ваш отец покидает Вену в 1933 году.

КПЛ: Да, он уехал из Вены из-за наступающего фашизма. Редакционный совет знаменитого экономического журнала «Дер эстеррайхише фолксвирт» (Der Österreichische Volkswirt, «Австрийский экономист»), где Поланьи был одним из главных редакторов, принял решение, что он должен отправиться в Англию из-за напряжённой политической ситуации. У него был безупречный английский. У него были знакомые. И вот, он уехал в Англию в 1933-м. Он продолжал писать статьи, находясь в Англии, пока журнал не закрылся в 1938-м.

Мы не переезжали всей семьёй. Отец поехал в 1933-м. Меня отправили в Англию в 1934-м к близким друзьям-англичанам, Дональду и Ирен Грант, с которым мы подружились в Вене. Они были христианскими социалистами и работали в Студенческом христианском движе-

>>>

нии Великобритании, помогая обедневшим после войны австрийцам. Так мы и познакомились. И я у них жила. Мама приехала в 1936-м, двумя годами позже.

МБ: Вернёмся к вашему отцу, он уехал в Англию. Чем он там занимался?

КПЛ: Когда он только приехал в 1933-м, у него не было постоянной работы. Его поддерживали Бетти и Джон МакМёррей и семья Грант, они принадлежали к так называемому христианскому левому крылу. Они были христианскими социалистами. Там были и коммунисты, и духовенство, в основном протестанты.

Он написал важное эссе о сущности фашизма, который он считал оскорблением христианских ценностей, оно было включено в книгу «Христианство и социальная революция» (Christianity and the Social Revolution), где он выступил соавтором. Отец также возглавлял исследовательскую группу, состоявшую из его друзей, членов сообщества Английских христиан. Они изучали два тома ранних работ Маркса, в том числе «Немецкую идеологию» и знаменитые «Парижские рукописи», которые тогда были только что изданы в 1932 году. Он читал им эти рукописи, на ходу переводя их на английский.

Он был очень увлечён этими работами. Как я помню, он соглашался с идеями, которые там были выдвинуты. Я называю ранние работы Маркса общей отправной точкой для Маркса и Поланьи.

МБ: То же самое он говорит в «Великой трансформации». И в чём же заключалось его учение? Как Англия повлияла на его мышление?

КПЛ: Только в 1937 году Карл получил работу в Ассоциации рабочего образования (Workers Education Association, WEA), очень крупном образовательном движении с очень длинной историей. В Англии оно было привязано к Раскин-колледжу, предоставлявшему образование людям из рабочего класса, которые не могли позволить себе поступить в университет.

Моему отцу довелось преподавать в английских провинциальных городках в графствах Кент и Сассекс. Он оставался ночевать в разных семьях. Он много узнал о том, как живут семьи рабочего класса, и был шокирован условиями жизни и, честно говоря, культурным уровнем. По сравнению с рабочим классом Вены эти

люди были культурно беднее, хотя Австрия и была гораздо более бедной страной с финансовой точки зрения, чем Великобритания.

Он должен был преподавать английскую социально-экономическую историю, а он о ней ничего не знал. Для него это был период самообразования. Если посмотреть на заднюю сторону обложки книги «Великая трансформация», вы увидите, какое огромное количество литературы он проанализировал. Это очень похоже на «Критику политической экономии» Маркса, которая, кстати, опирается на тех же авторов — Рикардо, Мальтуса и других мыслителей, писавших о начале индустриальной революции.

И вот моя мать писала, что именно в Англии пустила корни священная ненависть Карла Поланьи к рыночному обществу, отнимающего у людей человечность. Это написано в предисловии к его книге «Жизнеобеспечение человека» (The Livelihood of Man), опубликованной посмертно.

Кроме того, конечно, он обнаружил, что в Англии есть классовая система. Она проявлялась в речевых и диалектных различиях. И он описывал эту классовую систему как подобную кастам в Индии или расовой сегрегации в США.

МБ: В 1940 году Карла Поланьи приглашают читать лекции в Беннингтон-колледж в США.

КПЛ: Да, и в Беннингтоне он получил двухлетнюю стипендию Фонда Рокфеллера на работу над «Великой трансформацией». Он пользовался поддержкой президента колледжа, но нужно было и отчитываться перед фондом. И когда он представил им рукопись, она им не понравилась. У них возникли серьёзные сомнения в его университетской пригодности.

Они ответили, что его якобы сильнее интересует — только послушайте, это считалось негативной оценкой — «венгерское право, чтение лекций в колледжах и философия». Сказать, что его интересует философия, значило тогда дать его работе низкую оценку. Но все-таки ему дали новый грант. И когда прошли эти два года — а мы сейчас говорим про 1943-й — отец жаждал вернуться в Англию. Он не хотел оставаться в США. Он хотел участвовать в английском послевоенном планировании.

“Если позволить рыночным отношениям быть единственным механизмом, управляющим жизнью человека и его природной средой, это приведёт к разрушению общества”

Карл Полаanyi

К этому времени Сталинградская битва переломила ход войны. Было ясно, что Антанта победит. И он оставил неоконченными две предпоследних главы «Великой трансформации». Если посмотрите, вы найдёте в этих главах признаки незавершённости. Не в последней главе, а в двух предпоследних.

Если бы он остался и закончил книгу, думаю, что он бы включил в неё наброски к предполагаемой книге «Генеральный план обычного человека» (*Common Man's Masterplan*). Он оставил их коллегам. С этими главами было связано множество разногласий и ссор.

МБ: *Но в конце концов он вернулся в США и поступил на работу в Колумбийский университет, но вашей матери был запрещён въезд в США, поэтому они стали жить в Канаде.*

КПЛ: Альтернативным вариантом было бы остаться в Англии и продолжать работать в Ассоциации рабочего образования. Но было совершенно ясно, что отцу есть что сказать. Он должен был написать книгу. Ему предстоял большой труд. А ни в какой английский университет его не приглашали. Это было ясно как день. И вот, в 1947 году приходит предложение из Колумбийского университета, мотивированное книгой «Великая трансформация». Предисловие к ней написал Роберт МакАйвер, преподаватель Колумбийского университета. Студентам-экономистам он известен как сторонник институциональной школы, что до некоторой степени соответствует и подходу самого Полаanyi.

Тогда, в Лондоне, Илоне сообщили, что ей запрещён въезд в Соединённые Штаты. Это было большой проблемой. Отец был очень, очень расстроен. Он хотел, чтобы она убедила американцев изменить своё решение. Но она сказала: ничего не получится. Это невозможно.

Так что у него появилась идея поселиться в Канаде, и, в конце концов, ему удалось убедить маму, что такое решение возможно. И она обустроила для них замечательный дом на окраине Торонто, в сельской местности — малюсенький домик. Это было в 1950 году. Он, как студент, уезжал в Нью-Йорк на целый семестр. Домой приезжал на Рождество и Пасху, ну, и на летние каникулы.

А когда в 1953 году он перестал преподавать, то стал больше времени проводить в Канаде. К нему постоянно приезжали студенты и другие гости.

МБ: *И тогда его исследования стали двигаться в новом направлении. Он начал больше интересоваться антропологией. Но, боюсь, эту историю мы оставим для другой беседы. Спасибо вам огромное за замечательный рассказ о жизни Карла Полаanyi. Вы смогли погрузиться в необыкновенную предысторию «Великой трансформации». Думаю, теперь мы гораздо лучше понимаем, насколько эта книга завязана на разнообразном историческом опыте XX века и почему она остаётся столь важной сегодня.* ■

> Что стоит за риторикой Трампа об экономическом национализме

Питер Эванс, Калифорнийский университет, Беркли, США, член ИК МСА по исследованиям экономики и общества (ИК02), исследованиям будущего (ИК07), рабочего движения (ИК44), социальных классов и социальных движений (ИК47) и исторической социологии (ИК56)

Трамп говорит, что «Америка прежде всего!»

«Экономический национализм» имеет солидную историю, начиная с Александра Гамильтона и Фридриха Листа вплоть до их последователей в XX веке в Латинской Америке, Африке и Азии. Экономический национализм всегда представлял собой интеллектуально-идеологический инструмент, которым пользовались бедные страны, чтобы «догнать» богатые.

>>

Мы хотим узнать, действительно ли лозунги Трампа («Америка прежде всего!») и Брексит (отказ Британии от глобальных экономических связей) указывают на новый «расцвет экономического национализма»? Более пристальное рассмотрение показывает, что данная формулировка кроет в себе серьёзное заблуждение.

Трамповская версия «экономического национализма» представляет собой сочетание безрезультатных угроз с напыщенной риторикой. «Америка прежде всего» — любимый слоган Трампа, однако его версия «экономического национализма» обязана своей популярностью лишь неудачам глобального неолиберального капитализма и, таким образом, не представляет для глобального капитализма никакой опасности. Ещё один гвоздь в крышку гроба Транс-Тихоокеанского партнёрства (ТТП), возможно, и стал поводом для ликования, однако какие-либо значительные изменения существующих торговых соглашений представляются утопической идеей. Трамп упорно увещевает американские корпорации не заниматься аутсорсингом рабочих мест за границей, однако нет никаких доказательств, что эти призывы действительно смогут подорвать мировые производственные сети.

Так почему же Стив Бэннон — как ни печально, самый актуальный претендент на роль «крупномасштабного» стратега в трамповской клике — заявил, что «экономический национализм» является вторым из трёх ключевых столпов, на которых зиждется администрация Трампа? Бэннон, как и Трамп, отлично понимает, что «экономический национализм» — всего лишь мем, который можно использовать для спекулирования на накопленной гражданами злости, подогревая расистские и ксенофобские настроения и одновременно подрывая корни существующего политического истеблишмента.

«Золотой век капитализма» наступил после Второй мировой войны и окончился более сорока лет назад. На смену ему пришла эпоха неолиберального капитализма, которая жёстко обошлась с большинством американцев. Стагнация заработной платы сочетается с тяжёлой и унижительной реальностью, в то время как доходы и привилегии теперь сосредоточены в руках верхнего 0,001% населения (согласно последним данным [Пикетти, Саэза и Зукмана](#)). К началу третьего тысячелетия стресс вылился в новую эпидемию зависимостей; мы видим исторически беспрецедентное сокращение продолжительности жизни белых мужчин без высшего образования.

Американский политический истеблишмент оказался в ловушке. У него не было желания идти на риск общественной мобилизации и бросать вызов капиталу. Однако он также был неспособен изменить траектории снижающегося уровня жизни и растущего народного гнева. При этом обе партии уже несколько десятилетий безуспешно пытались убедить простых американцев, что их жизнь может улучшить лишь мировой порядок, в основе которого лежит принцип «свободной торговли».

Агрессивные тирады Трампа об «экономическом национализме» помогают ему обособить себя от напуганного истеблишмента с его уязвимым глобалистским наследием. Риторика экономического национализма объявляет структурные негативные последствия в стране не более чем слабостью позиции США в переговорах с иностранными лидерами. И только воинственный националист может усилить эту позицию в переговорах. Таким образом, экономический национализм отвлекает народное внимание от реальных политических действий Трампа: а конкретно, он позволяет капиталистам присваивать ещё больше коллективно произведённой прибавочной стоимости, упраздняя и без того хлипкие ограничения, хоть в какой-то мере обеспечивающие гражданам защиту от хищнического экономического поведения.

Политические фокусы такого рода делают экономический национализм «вторым столпом» трамповской программы. Пусть Трамп и остаётся одним из самых непопулярных президентов в современной истории США, однако экономический национализм — один из самых его эффективных идеологических инструментов. Без него президенту оставалось бы только спекулировать на расизме и ксенофобии.

Брексит представляет собой другой взгляд на мантру, утверждающую, что «глобальные свободные рынки принесут всем процветание», мантру, которая переживает политическое банкротство. Дэвид Кэмерон, возможно, и надеялся, что простые британцы разделят его энтузиазм по поводу деятельности банкиров лондонского Сити, чья прибыль является результатом привилегированной позиции на глобальных финансовых рынках. Однако гордыня премьера дала британскому народу шанс напрямую проголосовать по одному конкретному вопросу, связанному с экономической глобализацией. На это не решился бы ни один американский политик от Клинтона до Обамы. Британский истеблишмент всё ещё не может оправиться от шока, вызванного отказом от глобализма.

Трамп и Брексит сами по себе не угрожают способности глобального капитала получать прибыль. Однако эти явления могут быть знаком (или подтверждением) несостоятельности политической структуры глобального неолиберализма. Политические элиты Глобального Севера больше не могут считать само собой разумеющимся утверждение Ленина, что «демократическая республика — это лучшая политическая оболочка для капитализма». Позволять простым гражданам голосовать по вопросам, связанным с глобальным капитализмом, теперь кажется элитам рискованным. Электорат, в свою очередь, оплачивает элитам недоверием и сомневается, что выборы политических лидеров из привычного списка кандидатов приведут к улучшению жизненных условий. Перед элитами и массами стоит вопрос, пойдут ли либерально-демократические процессы им на пользу. Это повышает вероятность того, что, по словам Вольфганга Штрека, «вынужденный союз капитализма и демократии распадётся».

>>

На Глобальном Юге проблема стоит ещё более остро. Политические элиты Глобального Юга понимают, что должны маневрировать в политическом пространстве, организованным властью глобального капитала и установленными ею правилами. Си Цзиньпин, выступая в Давосе, старается избежать отождествления себя с образом экономического националиста. Даже неожиданная победа Бразилии, Китая и Индии на выборах ВТО произошла на дискурсивной почве неолиберальных правил торговли. Вместо того, чтобы настаивать на легитимности националистических целей, была выбрана стратегия обратиться против стран Глобального Севера их лицемерный отказ играть по им же установленным правилам «свободной торговли». И всё же мир уже не таков, каким его описывал Дэвид Харви десять лет назад: мир, в котором идеологическое господство неолиберализма можно принимать как само собой разумеющееся. Сказки о чудесном влиянии рынка, может, и произвели впечатление на Дэна Сяопина, но Си Цзиньпин не верит в них по-настоящему. Пиночет мёртв, а такую лояльность к неолиберализму, как у Табо Мбеки, в начале третьего тысячелетия уже сложно отыскать.

Несмотря на исчезающую веру в неолиберальные формулы, лидеры Глобального Юга всё ещё уязвимы перед властью глобального капитализма, и у них редко появляется возможность встать в позу экономического националиста а-ля Трамп. Без выигрышной карты экономического национализма лидеры слишком часто обращаются к таким опасным инструментам, как расизм, ксенофобия и репрессии, в случае если неолиберальные стратегии не дают результата.

Эволюция Турции при власти Эрдогана, описанная Джиханом Тугалем в [ГД 6.3](#) (сентябрь 2016), в этом контексте представляет собой поучительный пример. Придя к власти в «самой светской и демократической стране Ближнего Востока», эрдогановская «Партия справедливости и развития» стала первой правящей партией, вступившей на путь неолиберального капитализма. Позже, обнаружив, что неолиберальный капитализм не может предоставить материальной базы для политической гегемонии в рамках демократических правил, режим двинулся в сторону того, что Тугаль называет «жёстким тоталитаризмом», в основании которого лежат «массовая мобилизация и фанатизм».

Режим Нарендры Моди в Индии представляет собой вариацию на ту же тему. Наиболее экстремальные формы религиозного ханжества стали доминирующими в государстве, где в течение 70 лет до этого вопреки всему сохранялась светская электоральная демократия (пусть и совсем не идеальная). На рубеже тысячелетий Индия встала под знамёна неолиберального капитализма, в результате чего нужды большинства жителей страны были забыты. Однако партии Моди, БДП (Бхаратия Джаната Парти), удалось

отвлечь внимание от своей связи с большим капиталом, реализовав стратегию открытого индуистского шовинизма. В опасности оказались мусульмане, а также другие «чужаки» и «нелояльные» индусы.

Вне зависимости от того, говорим мы о Трампе или о Глобальном Юге, «расцвет экономического национализма» вовсе не угрожает благам, накопленным в глобальных торгово-производственных сетях. Настоящую угрозу благополучию простых людей и сообществ представляет собой расцвет реакционных политических стратегий, направленных на поддержание власти элит, которым не хватает политической решимости и возможностей бросить вызов суровым последствиям глобального неолиберального капитализма.

Дональд Трамп — угроза для всей планеты, но не потому, что он экономический националист, а потому, что он стоит во главе опаснейшего военного аппарата мира. Судя по его политике, вступившей в силу к настоящему моменту, он не столько экономический националист, сколько политик, обнаруживший, что клише, связанные с экономическим национализмом, успешно помогают отвлечь избирателей от его увлечения самыми ретроградными аспектами капиталистического доминирования. Другие лидеры вынуждены мириться с несостоятельностью капитализма, но не могут разыграть карту экономического национализма из-за того, что глобальный капитал имеет власть над национальной экономикой их стран. Поэтому они прибегают к ещё более порочным стратегиям для сохранения власти.

Нет никакой «неумолимой» логики, заставляющей нас примиряться с нынешней неспособностью капитализма обеспечить улучшение условий жизни или терпеть одиозные стратегии политических лидеров, направленные на поддержание власти. Пока прогрессивная мобилизация низов не поколеблет позиции политического истеблишмента, элиты всегда будут предполагать, что трансформации препятствуют экономические ограничения. Однако политически непредвиденные действия могут привести как к новым неожиданным возможностям, так и к дестимулирующему откату назад.

Трамп старается замаскировать возвращение к реакционной версии капитализма риторикой псевдоэкономического национализма. Однако это не помогает ему избежать рекордно высокого уровня неодобрения со стороны американского народа. Любопытно, что наиболее популярным американским политиком, имеющим самый высокий рейтинг, сейчас является Берни Сандерс, принявший достойную попытку сделать нечто беспрецедентное в истории США: стать кандидатом в президенты от одной из двух главных партий, будучи социалистом. ■

Корреспонденцию направляйте Питеру Эвансу <pevans@berkeley.edu>

> Трампизм и рабочий класс белых мужчин

Рака Рэй, Калифорнийский университет, Беркли, США

Ядро сторонников Трампа — белый рабочий класс.

В средствах массовой информации и научных работах стало привычным описывать многих из тех, кто голосовал за Трампа и в большом количестве участвовал в протестных акциях правых наподобие той, что прошла в Шарлоттсвилле (штат Вирджиния), как «озлобленных белых мужчин» (*angry white men*). «Вашингтон пост» задаёт вопрос: «Почему так много белых мужчин достигли такой степени озлобленности?» Социолог Майкл Киммел предполагает, что их объединяет «оскорбленное чувство собственного достоинства» (*aggrieved entitlement*: лучшего перевода мы не нашли, хотя и этот совсем не точный. — Прим.пер). Когда были подсчитаны и проанализированы все отданные на минувших выборах в США голоса, проявилась вполне определённая группа избирателей: 71 процент белых мужчин без высшего образования проголосовал за Трампа, и больше половины белых мужчин с высшим образованием (53%) также проголосовало за него.

Хотя о том, как проголосовали те, кого и левые, и правые часто называют «озлобленными белыми мужчинами», было сказано уже немало, я предлагаю внимательно рассмотреть все составляющие этого вопроса. Эти избиратели являются белыми, они принадлежат к мужскому полу и в то же время занимают позиции рабочего класса. Следовательно, предметом интерсекционального анализа и истолкования должны быть и раса, класс, и гендер, сплетённые воедино.

В США упадок фордизма и, соответственно, сокращение числа «хороших» рабочих мест не были исключительно классовыми проблемами. С начала XX века до самого его конца фордизм создавал хорошие рабочие места, связанные с конвейерным производством стандартизированных товаров, предоставлял достаточно высокие зарплаты, чтобы рабочие могли позволить себе приобретать производимые ими товары, и служил обещанием практически постоянной занятости. Но в реальности фордизм значил больше, чем всё это. Фордизм, опиравшийся на широкомасштабное промышленное производство и стимулирование потребления внутри страны, отнюдь не был всего лишь одной из черт капиталистической экономики. В нём одновременно отражались черты патриархата: идеология фордизма включала модель «семейной заработной платы», основанную на представлениях о том, что на заработок одного человека можно прокормить целую семью. Модель семейной заработной платы в свою очередь предполагала разделение труда, при котором мужчины брали на себя работу на производстве, а женщины — всё связанное с потреблением (а также обеспечивали питание и общественное воспроизводство трудящихся). Причины того, что на хорошей работе трудились в большинстве своём мужчины, а не женщины, коренятся в гендерно маркированных представлениях о «подходящих занятиях» для мужчин и женщин, а также (при отсутствии предпосылок к равной оплате труда для мужчин и женщин) в рационализации выбора, в соответствии с которым счи-

>>

талось, что женщины, потенциальный доход которых был значительно ниже мужского, должны были оставаться дома. Несомненно, в самой основе представления многих мужчин о своей мужественности лежит их способность прокормить семью.

Модель семейной заработной платы не могли поддерживать те мужчины, заработка которых на это не хватало, а именно — темнокожие и иммигранты. Таким образом, при фордизме привилегированными оказывались квалифицированные работники мужского пола, занятые на промышленном производстве. Лишёнными привилегий также оказывались незамужние женщины и те жёны, чьи мужья не зарабатывали столько, чтобы в одиночку прокормить семью. Поскольку в те времена государство делало инвестиции в здравоохранение, образование и увеличение продолжительности жизни, белые мужчины из рабочего класса вполне могли рассчитывать на безбедную жизнь.

Упадок фордизма совпал по времени с подъёмом общественных движений женщин и цветных, требовавших равенства, равных зарплат, репродуктивных прав, гласности, выступавших против войны и в защиту сексуальной свободы. Одновременно с упадком идеологии фордизма стало появляться всё больше семей, в которых работали оба супруга, и под угрозой оказалась сама модель семейной заработной платы. При сегодняшнем режиме глобализованного и финансового капитализма промышленные производства переносятся в страны с низкой заработной платой, а многие рабочие места вовсе исчезают под влиянием автоматизации. Новый режим вовлек женщин в сферу оплачиваемого труда и способствовал росту инвестиций государства и корпораций в социальное обеспечение.

На протяжении более сорока лет средний доход белых мужчин с поправками на инфляцию оставался практически неизменным, в то время как средний доход белых женщин возрос почти вдвое. Средний доход чернокожих женщин возрос более чем вдвое, и средний доход чернокожих мужчин также в некоторой степени увеличился. Даже в условиях Великой рецессии и скромного экономического роста доход белых женщин, чернокожих мужчин и чернокожих женщин несколько увеличился. Но в случае белых мужчин доходы увеличились главным образом у богатых.

Поскольку идеология и политика фордизма опиралась одновременно на категории класса, расы и гендера, реакция на его упадок определяется всеми тремя этими факторами: когда белые мужчины-рабочие лишились рабочих мест, они лишились опоры своей маскулинности, контроля над женщинами и прежнего преимущества перед цветными. Они лишились всего того, чем, как они думали, были. Хотя термин «оскорбленное чувство собственного достоинства» (*aggrieved entitlement*) может показаться подходящим для описания этого синдрома, он, как мне кажется, неправильно описывает ситуацию.

Различение двух форм политической борьбы, предложенное политическим философом Нэнси Фрейзер, — борьбы за перераспределение и борьбы за признание — представляется эвристичным при рассмотрении нашего вопроса. Фрейзер определяет борьбу за перераспределение как борьбу с имущественным неравенством: борьбу за доходы и владение собственностью, за доступ к оплачиваемому труду, образованию и услугам здравоохранения. Перераспреде-

ние, следовательно, отсылает к социально-экономической несправедливости. Борьба за признание, в свою очередь, отсылает к несправедливости в символической области (культурному господству, непризнанию и неуважению), к тому, как социально отчуждённые группы — геи, трансгендеры, чернокожие или женщины — борются за уважительное отношение и интеграцию в социальную жизнь.

Хотя Фрейзер и проводит различия между борьбой за перераспределение и борьбой за признание, на практике, в человеческой жизни, эти две вещи обычно тесно связаны. Белые мужчины, не имеющие высшего образования проголосовали в 2016 году как за признание, так и за перераспределение: они хотят быть признанными в качестве мужчин, которые больше не могут быть кормильцами своих семей, и соответственно, опасаются того, что им откажут в праве считаться настоящими мужчинами. Многие принадлежащие к этой категории почувствовали, что над их принадлежностью к белым издеваются, приписывают им нетерпимость, женщины получают больше власти, а государство, очевидно, оказывает предпочтение цветным с помощью политики позитивной дискриминации.

Правые в США приложили больше усилий к тому, чтобы ослабить эти изменения, чем левые, и смогли использовать в своих целях и популяризировать подходящие для мобилизации американские культурные нарративы. Приведём основные положения некоторых из них:

- Противопоставление «заслуженно бедных» и «незаслуженно бедных», т.е. представление о том, что некоторые люди обеднели, потому что у них отобрали работу, в отличие от тех, кто стал бедным потому, что просто не хочет работать;
- Националистические настроения — тревога, вызванная тем, что иммигранты не только отнимают работу у «незаслуженно бедных», но, кроме того, в силу своего количества делают Америку менее «белой»;
- Представления о том, что мужчины — это, прежде всего, кормильцы. Такое убеждение предполагает, что женщин, пытающиеся добиться лидерства или оспорить лидерство мужчин, нужно поставить на место.

Это успешное внедрение дискурса признания и перераспределения лежит в основе устойчивого воспроизводства политических взглядов депривированных, которыми отличаются белые мужчины рабочего класса.

За редкими исключениями в обсуждениях, ведущихся в лагере американских левых, политические вопросы перераспределения и признания чаще рассматриваются отдельно друг от друга. Политические требования в сфере экономической справедливости и в сфере культуры (к примеру, вопрос уборных для трансгендеров) и политические требования, касающиеся окружающей среды, выдвигаются движениями, которые зачастую относятся друг к другу враждебно. Такие группы, как «Жизнь чернокожих имеет значение» (*Black Lives Matter*), у которых политические требования признания сочетаются с требованиями перераспределения, пока что не находят отклика у широкой аудитории. И поскольку левым всегда сложнее объединиться между собой (по многим причинам как идеологического, так и материального характера), данная цепочка факторов привела правых к власти и заставила белых мужчин рабочего класса увлечённо прислушиваться к их обещаниям. ■

Корреспонденцию направляйте Раке Рэй <rakaray@berkeley.edu>

> Иммиграция и политика эры Трампа

Г. Кристина Мора, Калифорнийский университет, Беркли, США

Президент Трамп попирает первый принцип американской истории, который заключается в том, что Америка — страна иммигрантов.

В период перед выборами в ноябре 2016 года было произнесено много речей о том, кто сделал Америку великой и кто станет причиной её нравственного и экономического краха. И в центре обсуждения оказались иммигранты: разглагольствования тогда ещё кандидата в президенты Трампа в ходе избирательной кампании изобиловали заявлениями насчёт «плохих хомбре» и «преступников» из Мексики и не только. Приравнивание иммигрантов к преступникам вместе с прекращающимися разговорами о сокращении рабочих мест придало сил хору националистических, настроенных против иммигрантов голосов, запевшему в полную мощь во время национального съезда Республиканской партии, когда Трамп затронул вопрос о американо-мексиканской границе и собравшаяся публика стала скандировать: «Построим стену!»

Многим учёным, изучающим вопросы иммиграции, эта шумиха показалась опасной и по трём причинам безосновательной. Во-первых, за последнее десятилетие не было прироста иммиграции. Каждый год страну покидает столько же иммигрантов, сколько и прибывает в неё, и самые свежие данные позволяют предположить, что из США выезжает больше мексиканцев, чем въезжает в страну. Эра массового переселения в США закончилась, несмотря на возгласы политиков о неожиданном вторжении «нелегалов» или бурном росте иммиграции. Во-вторых, во многих исследованиях, включая проведённые Бюджетным управлением Конгресса, отмечается, что в целом иммигранты приносят государству экономическую выгоду. Иммигранты, даже те, у которых нет разрешения на пребывание в стране, платят налоги, а иммигранты во втором поколении входят в число групп населения, отличающихся наибольшими способностями к предпринимательской деятельности.

Вдобавок к этому, вероятность того, что иммигрант обратится за государственным пособием, гораздо ниже, чем в случае уроженца Америки: на этот факт часто закрывают глаза политики и блогеры, пугающие публику рассказами о латиноамериканских «королевах велфера». И наконец, иммигранты *хотят* интегрироваться в общество. Они совсем не представляют угрозу государству в области культуры: подавляющее большинство иммигрантов (а в особенности это относится к их детям) выучивает английский язык. И если уж на то пошло, большая часть иммигрантов — люди религиозные. В действительности подавляющее большинство мексиканских «плохих хомбре», живущих в США, исповедуют какую-либо разновидность христианской веры, что позволило Рональду Рейгану однажды заявить, что латиноамериканцы — республиканцы, только сами этого не понимают.

Однако несмотря на большое количество исследований, подтверждающих приведённые выше суждения, шумиха вокруг опасностей, которые несёт в себе иммиграция, продолжает пользоваться успехом. Но виноваты ли в этом только правые политики? Это не совсем так. Центристские СМИ и популярные представители Демократической партии тоже подливают масла в огонь. Такие информационные источники, как «Нью-Йорк таймс», например, чаще пишут о совершённых мигрантами преступлениях и убытках от иммиграции, а не о том, какова её польза для общества, хотя они и высказываются не столь откровенно, как консервативные СМИ. И несмотря на принятую «Программу отложенных мер в отношении детей-иммигрантов»¹, администрация Обамы в отношении депортации продолжала следовать политике, введённой администрацией Буша. В итоге это привело к тому, что при Обаме было депортировано больше иммигрантов, чем при двух его предшественниках вместе взятых, благодаря чему он заслужил прозвище «Верховного Депортатора». К его чести, его администрация больше сосредотачивалась на депортации только прибывших в страну иммигрантов, чем на депортации уже обжившихся в ней — но от этого было ничуть не легче активистам движений за права иммигрантов, ожидавшим комплексной реформы миграционного законодательства, заявленной в ходе избирательной кампании Обамы под лозунгом «Да, мы сможем!»

И всё же предположение, что демократы смогут отстоять права иммигрантов, казалось многообещающим в период накануне ноябрьских выборов 2016 года. Тим Кейн, кандидат на пост вице-президента США от Демократической партии, включал в свою речь на национальном съезде Республиканской партии фразы на испанском языке, обещая иммигрантам, что Демократическая партия уделит первоочередное внимание комплексной реформе иммиграционного законодательства. Клинтон собирала массовые митинги в Техасе и Флориде, постоянно обещая, что в слу-

чае победы на выборах она продолжит заниматься темой иммиграции и сделает то, что не сделала администрация Обамы. Лоббисты интересов испаноязычных и латиноамериканцев ухватились за эти обещания, развернув масштабную кампанию по привлечению избирателей, которая в итоге помогла демократам сохранить за собой несколько юго-западных штатов и вывела первую латиноамериканку в сенат США.

Не отставали от них и лоббисты интересов представителей другой расовой категории — азиатов. Их организации, хоть и не такие многочисленные, как организации латиноамериканцев, составляют значительную часть движения за права иммигрантов. В месяцы, предшествовавшие выборам, лоббисты азиатов утверждали, что их голоса могут сыграть решающую роль в таких штатах, как Вирджиния и Невада, где стороны находились в равновесии. Они также организовали внушительные кампании по учёту избирателей, пытаясь дать демократам понять, что с их стороны было бы разумно сделать реформу иммиграционного законодательства главным пунктом своей избирательной программы.

Однако несмотря на эти внушительные усилия, латиноамериканцам и азиатам не удалось изменить исход выборов. Судьба страны решалась в небольших городках Мичигана, Пенсильвании и Огайо, а не в тех городах на побережье, где обосновываются только прибывшие в страну иммигранты. Конечно, некогда индустриальные штаты Среднего Запада столкнулись с удвоением числа населяющих их иммигрантов с начала 1990-х годов, когда иммигранты стали работать не только в сельском хозяйстве, но и на заводах. Их «чужеземные» внешний вид и культура, очевидно, сделали их мишенью для правых политических деятелей, которые искали механизмы сплочения поддерживающих их людей. Политикам было легче сваливать потерю рабочих мест и экономические проблемы на иммигрантов, чем подробно обсуждать механизмы глобального капитализма и растущего неравенства.

Зададимся вопросом, как этот контекст влияет на защиту прав иммигрантов — особенно принимая во внимание то обстоятельство, что вашингтонские политики остаются глухи к информации об иммиграции? Ответ неясен, однако можно утверждать, что защита прав иммигрантов ляжет непосредственно на плечи отдельных штатов. Штат Калифорния, например, позволяет недокументированным иммигрантам получить медицинское страхование и водительские права, что даёт им некоторое спокойствие и ощущение включённости в правовое поле. Различные города заявили о том, что они становятся «убежищами» для беженцев. Это действие носит преимущественно символический характер, однако оно сигнализирует о готовности сопротивляться действиям администрации Трампа.

И всё же перспективы остаются безрадостными. Под контролем Трампа остаётся всё та же сложная система депортации, усовершенствованная Обамой, и в первый год президентства нынешний глава страны продолжил проводить параллели между иммиграцией и преступностью. Введенный им запрет на въезд для мусульман, к примеру, вызвал повторный всплеск обсуждений связи мусульман с терроризмом по всей стране. Помилование Трампом Джо Арпайо, шерифа из Аризоны, признанного правонарушителем оттого, что он задерживал иммигрантов просто потому, что у них не было разрешения на пребывание в Штатах — это ещё один шаг, направленный против так называемых «плохих хомбре». Более того, Трамп намерен отменить «Программу отложенных мер...», несмотря на то, что она направлена на детей, которые не обвиняются в серьёзных

Президент Трамп угрожает аннулировать Программу Обамы об отложенных мерах в отношении детей-иммигрантов (DACA), направленную на защиту тех, кто нелегально мигрировал в США, не достигнув совершеннолетия. Людей из этой категории называют «мечтателями» (dreamers).

правонарушениях и не представляют собой угрозы общественной безопасности.

Станем ли мы в ближайшее время свидетелями роста массовых протестов защитников прав мигрантов? В 2006 году сотни тысяч активистов движения за права иммигрантов вышли на улицу, скандируя: «Сегодня маршируем, завтра голосуем!» и «Права иммигрантов — права человека!». Прошло более десятилетия, но ни то, ни другое требование не претворилось в жизнь. Иммигранты, не получившие амнистии, так и не стали гражданами с правом голоса. А апелляция активистов к «правам человека» — или же к надежде на то, что американцы увидят в иммигрантах граждан в общечеловеческом смысле — кажется совершенно неуместной в нашу эпоху американского национализма в его трамповском понимании. И сегодня активисты опасаются, что новые протесты могут вызвать ответную реакцию: акции 2006 года спровоцировали всплеск принятия местных постановлений, направленных против иммигрантов.

Реформа миграционного законодательства — это козырь, который в политической игре разыгрывают обе стороны. Борьба за то, чтобы воссоединить семьи и дать иммигрантам возможность исполнить американскую мечту — дело благородное, и активисты движений в защиту прав иммигрантов неустанно борются за поддержку этого дела. Нельзя разлучать родителей с их родившимися в США детьми, и нельзя отказывать людям в безопасности, в крове над головой и во многом другом только потому, что они родились не с той стороны стены. И в то же время мы должны признать, что масштабные изменения в иммиграционной политике США вряд ли когда-либо произойдут, потому что сама система служит в точности для того, для чего и была задумана. Она выстроена и функционирует так, чтобы предоставлять бесправную рабочую силу, обеспечивающую наши позиции на мировом рынке и уязвимую для эксплуатации. И ни временные облегчения, ни мелкие изменения иммиграционной политики, ни краткосрочные программы амнистии не меняют ситуации в целом. ■

¹ Программа отложенных мер в отношении детей-иммигрантов (DACA) — постановление президента Обамы, согласно которому решение о депортации лиц, въехавших в США в несовершеннолетнем возрасте, откладывается на двухгодичный срок, который позже может быть продлён. В течение этого срока им предоставляется право получить разрешение на работу.

Корреспонденцию направляйте Г. Кристине Море на адрес cmora@berkeley.edu

> Трамп как угроза для рабочего класса

Рут Милкман, Городской университет Нью-Йорка, США, член ИК МСА по исследованию рабочего движения (ИК44)

Ещё будучи кандидатом в президенты, Дональд Трамп обратился к рядовым членам профсоюзов и привлёк их внимание. С тех пор лидеры профсоюзов стали выступать в его поддержку. На этой фотографии изображён президент Трамп в Белом доме в окружении глав профсоюзов.

Сообщения о смерти рабочего движения в США стали избитыми штампами в левом политическом дискурсе задолго до неожиданной победы Дональда Трампа на выборах. Уже несколько десятилетий стабильно снижается доля наёмных работников, состоящих в профсоюзах, и количество забастовок. Быстрый взлёт этих показателей наблюдался после выборов Рональда Рейгана в 1980 г., обратившегося с популистскими воззваниями к рабочему классу промышленного «Ржавого пояса» США — что можно рассматривать как прообраз кампании Трампа, проведённой через 36 лет. В 1980 г. Рейган получил немногим больше голосов членов профсоюзов, чем Трамп на последних выборах (43%). Однако этот факт был стёрт из общественной памяти.

Разумеется, крах профсоюзов в годы между этими двумя политическими событиями привёл к резкому

>>

падению количества состоящих в профсоюзах избирателей. В 2016 г. в профсоюзах осталось только 10,7% от общего числа наёмных работников, среди них 6,4% работников частного сектора. Это существенное снижение показателя по сравнению с серединой рекордных 1950-х, когда в профсоюзах состояло 35% работников. Количество забастовок также стало резко падать, начиная с 1980-х, а те немногие забастовки, которые всё-таки происходили, нередко были провокацией со стороны работодателей с целью сломить профсоюзы и заставить их поступиться своими достижениями. К концу 2016 г. 27 штатов, включая такие профсоюзные бастионы, как Мичиган и Висконсин, приняли Законы о «праве на труд» (запрещающие предприятиям частного сектора принимать на работу исключительно членов профсоюзов). В прошлом феврале эти законы были приняты и в Миссури. Кроме того, общеизвестно, что демобилизация когда-то могущественных профсоюзов идёт рука об руку со взлётом неравенства, уровень которого достиг пика за последние 40 лет.

Последние годы светлым пятном в жизни профсоюзных организаций остаётся государственный сектор, где количество членов профсоюзов остаётся стабильным и сравнительно высоким. Однако на волне последствий «Великой рецессии» положение дел в этом секторе тоже стало меняться. В республиканских штатах вступило в силу новое законодательство, ограничивающее права на проведение коллективных переговоров для работников государственного сектора. Показательным примером стал Висконсин, первый штат, где проведение коллективных переговоров в государственном секторе было легализовано в 1959 г. Новоизбранный губернатор-республиканец Скотт Уокер в 2011 году протащил через законодательное собрание проект закона, радикально ограничивающего деятельность профсоюзов государственного сектора. Несмотря на массовые протесты, законопроект был принят, и Уокер с гордостью его подписал.

Результаты были разрушительны. Доля работников-членов профсоюзов в Висконсине сократилась с 50,3% в 2011 г. до 22,7% в 2016 г. Кроме того, как показывает Гордон Лафер в книге «Однопроцентное решение» (*The One Percent Solution*), Висконсин был только началом кампании правого крыла по систематическому подрыву профсоюзных организаций государственного сектора. Не последней причиной этому является то, что профсоюзы остаются основным источником поддержки политических кандидатов от Демократической партии. В национальном масштабе количество членов профсоюзов среди наёмных работников упало незначительно: в 2008 г. этот показатель достиг 36,8%, а в 2016 г. он снизился до 34,4%. Однако такому положению дел угрожает то, что «красные» (республиканские) штаты один за другим следуют примеру Висконсина.

В первый год своего президентства Рейган, в прошлом сам член профсоюза, жестоко обманул активно поддерживавший его белый рабочий класс. Тысячи авиадиспетчеров были уволены после забастовки в 1981 г. Это решение Рейгана до сих пор вспоминают как поворотный момент, после которого рабочее движение США было пущено под откос. Усугубляет ситуацию то, что профсоюз авиадиспетчеров оказал Рейгану поддержку во время президентской кампании. Несмотря на то, что федеральным служащим закон запрещает участвовать в забастовках, они, тем не менее, периодически их организовывали. Драконовский ответ Рейгана на акцию протеста авиадиспетчеров не имел прецедента в послевоенную эпоху. Уничтожение этого профсоюза стало знаковой драмой рейгановской эры, но не единственным шагом, предпринятым администрацией Рейгана с целью ослабления профсоюзов. Был даже ликвидирован федеральный архив данных о членстве в профсоюзах (впрочем, протесты на предприятиях скоро привели к восстановлению этих данных).

В предвыборных речах Трамп регулярно обращался к образу «забытого простого мужика» — маскулинности, воплощённой в физическом труде, особенно в строительной отрасли, где Трамп сделал себе состояние. Одновременно он неоднократно презрительно отзывался о выпускниках колледжей, работающих в офисах, а не на заводах или стройках. Риторика Трампа пронизана симпатией к белому рабочему классу; на словах выступая против элит, он поддержал именно тех, кого Хилари Клинтон, как известно, пренебрежительно назвала «жалкими людьми». Эта риторика повторяет призывы Рейгана, адресованные тем, кто в то время назывался «рейгановскими демократами». Даже слоган *Make America Great Again* («сделаем Америку снова великой») — это возврат к прошлому; он был сочинён для кампании Рейгана в 1980 году.

Однако если риторика Трампа является эхом кампании Рейгана, его реальная трудовая политика (пока что) не столь прямолинейна, и не предполагает открытой атаки на профсоюзы. Пока президент отвлекает внимание публики нескончаемыми пафосными заявлениями в Твиттере и прочей демагогией, а в Белом доме разворачивается кризис администрации, антирабочая программа, долго вынашиваемая правым крылом, потихоньку движется вперёд. В соответствии с риторикой публичной кампании, которая разносит в пух и прах законы — «убийцы рабочих мест», администрация Трампа принимает шаги для отмены различных постановлений, введённых в силу при Обаме. В первую очередь она добивается аннулирования грядущего решения о подъёме минимальной зарплаты, предусматривающей дополнительные выплаты за сверхурочную работу (этот показатель не менялся с 1975 г.). Кроме того, отмена реформы здравоохранения Обамасаре, хотя она и не рассматривается обычно в контексте трудовой политики, нанесёт огромный ущерб белому рабочему классу.

>>

Против профсоюзов настроены трое назначенных Трампом членов Национального совета по вопросам трудовых отношений (NLRB) — организации, состоящей из пяти человек и регулирующей условия заключения коллективных договоров. Это также напоминает нам о годах правления Рейгана. Два ставленника Трампа уже вступили в должность; третий присоединится к ним в декабре, когда истечёт срок пребывания в офисе его предшественника. В этот момент Трамп получит полный контроль над Советом. Начиная с 2018 г., скорее всего, постепенно будут отменяться все принятые при Обаме решения NLRB, улучшавшие положение рабочего класса. Первоначально выдвинутый Трампом кандидат на пост главы Совета — магнат фастфуда Эндрю Паздер — был вынужден отказаться от должности. Впрочем, это больше связано не с его ярким несогласием с трудовым законодательством, а с тем, что он предположительно виновен в домашнем насилии и, по собственному признанию, нанимал в качестве домашней работницы нелегальную иммигрантку.

Самым значимым из выдвиженцев Трампа является Нил Горсач — судья Верховного суда США. Практически все наблюдатели ожидают решающего голоса Горсача по делу Джануса против Американской федерации работников штатов, округов и муниципалитетов (*Janus v. AFSCME*). В качестве истца в этом судебном разбирательстве выступает группа государственных служащих штата Иллинойс при поддержке Национального фонда защиты права на труд (*National Right to Work Foundation*) и консервативного центра юридической помощи «*Liberty Justice Center*». Судебное разбирательство ставит под вопрос обязанность работников, не состоящих в профсоюзах, выплачивать профсоюзным организациям взносы, называемые «справедливой долей» и «агентскими сборами». Эта обязанность прописана в коллективных договорах профсоюзов работников государственного сектора. Дело в том, что законы большинства штатов требуют, чтобы профсоюзы работников государственного сектора при заключении коллективных договоров представляли интересы всех рабочих, а не только тех, кто состоит в этих профсоюзах. «Справедливая доля», выплачиваемая работниками, не являющимися членами профсоюзов, рассматривается как компенсация за представительство их интересов. Работники, не являющиеся членами профсоюзов, выплачивают «справедливую долю», что помогает покрыть стоимость такого решения и избежать распространения феномена «безбилетника» (фрирайдера). В некоторых штатах, в том числе в Висконсине и Айове, эти взносы уже были отменены. Если Джанус проиграет дело, «справедливую долю» могут упразднить по всей стране. Это нанесёт сокрушительный удар по профсоюзам работ-

ников государственного сектора как в демократических, так и в республиканских штатах.

Однако совсем не очевидно, что это драконовское решение коснётся всех профсоюзов до единого. В нынешних отношениях с профсоюзными деятелями Трамп придерживается классической стратегии «разделяй и властвуй», проводя границы по линиям гендерных и расовых различий. В первый же день работы после инаугурации Трамп пригласил в Белый Дом несколько профсоюзных активистов строительной отрасли; позже он провёл встречи с представителями профсоюзов полицейских. При этом нужно отметить, что лидерами этих организаций по защите трудящихся были в подавляющем большинстве белые мужчины. Ещё одну попытку выделить наиболее реакционные слои участников профсоюзов мы видим в заигрывании Трампа с профсоюзом работников пограничного контроля, принимая во внимание то обстоятельство, что президент уже приложил усилия для расширения этой организации. Публично заявив о несогласии с НАФТА (Североамериканским соглашением о свободной торговле) и другими торговыми соглашениями, Трамп также смог вызвать отклик у лидеров группы профсоюзов работников обрабатывающей промышленности. При этом заявления президента о намерении сохранить заводские рабочие места в США не раз подвергались сомнению в прессе.

Однако, что интересно, от подобных расшаркиваний не остаётся и следа, когда речь заходит о профсоюзах работников сферы услуг и государственного сектора, в которых состоят преимущественно женщины и цветное население, а порой и трудовые мигранты, на которых Трамп регулярно обрушивает свою ксенофобскую риторику. Президент предпринимает нескончаемые попытки обработать работников — граждан США, большинство которых не состоит в профсоюзах, против трудовых мигрантов, что представляет собой ещё более угрожающую стратегию по модели «разделяй и властвуй». И в этом смысле Трамп значительно отличается от Рейгана, который руководил последней крупной миграционной реформой (Акт об иммиграционной реформе и иммиграционном контроле 1986 г.) и дал амнистию миллионам нелегальных иммигрантов. Однако, за этим важным исключением, отношение Трампа к трудовой политике и профсоюзам очень напоминает взгляды «великого мастера общения». Перед нами хрестоматийный случай, в котором история повторяет сама себя: первый раз — это трагедия, второй — уже фарс. ■

Корреспонденцию направляйте Рут Милкман <rmilkman@gmail.com>

> Американский брюмер?

Дилан Райли, Калифорнийский университет, Беркли, США

Наполеон Бонапарт III, президент Французской республики в 1848–1852 гг., прототип харизматического лидера по Марксу, который, как и президент Трамп, выходит на сцену в тот момент, когда капиталистический класс лишается гегемонии.

Является ли победа Трампа знаком фундаментального политического переворота в США? Да, но, возможно, в неожиданном смысле. Режим президента Трампа далёк от

фашизма начальной стадии, он скорее тяготеет к «необонапартизму», замещая гегемонный проект харизматичным лидерством. Современный бонапартизм, как и бонапартизм во Франции XIX века, связан

>>

с кризисом гегемонии, проистекающим из разрушения материальной базы. До сих пор американский класс капиталистов имел возможность преследовать собственные интересы, при этом заявляя о преданности интересам общественным. Кризис гегемонии смог подточить и ослабить партийную систему домодерного государства с глубоко деполитизированным населением. Любой адекватный политический ответ Трампу должен исследовать экономические и политические институциональные предпосылки, сделавшие возможной его победу на выборах.

> Гегемония и кризис

В период с 1930-х по 1970-е гг., который окончился экономическим кризисом, капиталистический класс США поддерживал фордистскую гегемонию. В её основе лежали высокие зарплаты, большая прибыль и (относительно) низкая безработица. Затянувшийся послевоенный бум позволил как демократам, так и республиканцам у власти значительно повысить благосостояние рабочего класса. Однако начиная с 1973 г. замедление темпов роста американской экономики стало противодействовать этому режиму. Благодаря скачку производительности и доходов бизнес-элиты чувствовали себя сносно в расширяющемся социальном государстве. Однако правила игры поменялись, когда уровень прибыли стал снижаться из-за конкуренции со стороны Германии, Японии, азиатских «тигров» и, наконец, Китая. В 1970-х капитал вступил на путь конфронтации, и обе партии стали под него подстраиваться. Сокращение мер по социальному обеспечению началось в США при Картере и продолжалось при администрации Обамы. Новой гегемонной формулой стал неолиберализм, обещавший свободу и возможность самоопределения через рынок для наёмных работников, которым была уготована новая роль потребителей. Теперь материальной базой для согласия стали не программы соцобеспечения и не рост заработной платы, а снижение налогов.

Точкой кризиса данной неолиберальной формулы считается 3 октября 2008 г. В этот день Программа выкупа проблемных активов (TARP) с бюджетом в 700 миллиардов долларов, предоставлявшая помощь банкам, продемонстрировала, насколько лицемерна идеология «свободного рынка». Неолиберальные элементы политики присутствовали и при администрации Обамы, совместно с (относительно мало затратными) законами в поддержку окружающей среды и ЛГБТК-сообществ. Однако администрацию Обамы нельзя описать как откровенно неолиберальную. Обама гораздо интенсивнее, чем Буш, поддерживал финансовых капиталистов и владельцев крупных активов. Отчасти такой поддержкой был Закон о доступном медицинском обслуживании (программа медицинского страхования, которую часто называют Обамасаре), подразумевавший значительные денежные вложения в страховые компании. В годы президентства Обамы отношения между частными собственниками и государством были реорганизованы, и многие отрасли капиталистической экономики стали сильнее зависеть от государства.

Трампу удалось политизировать крах неолиберализма. Экономическую программу президента осуждают уважаемые специалисты из самых разных областей; к примеру, колумнист «Нью-Йорк таймс» (и лауреат Нобелевской премии по экономике) Пол Кругман подверг критике инаугурационную речь Трампа, заявив, что она создаёт образ «антиутопии, едва ли имеющей отношение к американской реальности, где общество и экономика находятся в упадке». Несмотря на это, основные проблемы, на которые указывает Трамп, бесспорно, реальны. В 1980 г. промышленное производство обеспечивало 22% рабочих мест. В большинстве округов к востоку от Миссисипи, как на севере, так и на юге США, этот показатель достигал 30%. (В южной Калифорнии и на Тихоокеанском Северо-Западе в эту статистику включается авиакосмическая отрасль.)

К 2015 г. количество рабочих мест на производственных предприятиях упало до жалких 10%, что сказалось не только на знаменитом Ржавом поясе на Верхнем Среднем Западе, но — что важно — и на южных, и на западных штатах. Деиндустриализация приводит к реальным социальным последствиям, в числе которых бедность, наркомания и т. п.

В то время как промышленный базис Америки переживает крушение, а медианные зарплаты остаются на прежнем уровне, заработки руководителей непомерно растут. Таким образом, интересы капиталистического класса США уходят всё дальше и дальше от широких слоёв общества. Именно в этом смысле выборы Трампа стали проявлением кризиса авторитета правящего класса. Социальная элита США больше не может поддерживать иллюзию, что её интересы совпадают с интересами основной части населения.

> 2016: выборы с непредсказуемым результатом?

В определённом смысле выборы 2016 г. представляли собой историческую рулетку. Однако такая ситуация была обусловлена тремя мощными структурными факторами. Во-первых, это выхолащивание партийной системы, которое привело к протестам в поддержку Трампа и Сандерса. Во-вторых, это домодерный характер американского государства. В-третьих, это распространённая в стране политическая апатия. Первый фактор слишком очевиден для его дальнейшего обсуждения, однако два других, несомненно, заслуживают нашего внимания.

Домодерная специфика институционального устройства США сыграла огромную роль в победе Трампа на выборах. Американская избирательная система была задумана таким образом, чтобы защищать интересы рабовладельцев-олигархов, искажая результаты голосования. Она напоминает систему выборов в кайзеровской Германии времён Вильгельма

>>

ма или в итальянском парламенте при премьер-министре Джолитти: ограниченное избирательное право, мажоритарная система, высокие планки участия в голосовании, государственная Коллегия выборщиков. Трамп выиграл, несмотря на то, что он недобрал почти три миллиона голосов. Действительно, старорежимная деформация американской политической системы становится всё более очевидной с ростом урбанизации.

Повсеместная аполитичность населения также сыграла важную роль. В выборах участвовало лишь 55% населения, достигшего возраста избирателя. Как обычно, результаты были перекошены в сторону более богатых и образованных слоёв электората. Граждане, поддерживающие Демократическую партию США, в этот раз чаще воздерживались от голосования, чем сторонники Республиканской партии. Согласно одному из опросов, из зарегистрированных избирателей в голосовании участвовало 46% сторонников республиканцев и 42% сторонников демократов. При этом население, не явившееся на выборы, было преимущественно цветным. Даже незначительно бо́льшая явка сторонников демократов на выборах предотвратила бы победу Трампа.

> Подрыв согласия

Какое решение предлагает Трамп? В свете неспособности президента к законотворчеству всё, по-видимому, сводится к отмене «ненужных» требований по безопасности жизнедеятельности и окружающей среды с целью повысить спрос, сократив затраты производителей, строителей и потребителей. Высокие торговые пошлины и борьба с иммиграцией действительно могли бы привести к максимизации занятости на отечественном производ-

стве. Однако мнение, что основным препятствием для американских инвестиций является «законодательство», представляется, по меньшей мере, странным.

Возможна ли на сегодняшний день геополитическая реконфигурация? Очевидно, что поддерживать привычный американский внешнеполитический климат президент неспособен: возьмём, к примеру, выход Америки из малоэффективного Парижского соглашения или отказ от напыщенных банальностей о «правах человека» и «демократии». Тем не менее, никаких радикальных изменений не предвидится: Америка будет до последнего поддерживать НАТО и Японию, а войны, которые вели Буш и Обама, растянутся до бесконечности.

> Будущее

Какими будут новые схемы политической борьбы? Что касается международных отношений, Трамп планирует «государственно-капиталистический» инфраструктурный рост в сочетании со стратегией крайне жестких переговоров с зарубежными странами. Однако этот проект представляется в высшей степени нелогичным. Как Америке удастся покрыть огромный дефицит, одновременно занимая конфронтационную позицию по отношению к Китаю, при том, что китайские сбережения могли бы компенсировать эти расходы? Впереди нас ожидает ожесточённая борьба между различными фракциями господствующего класса, имеющими разный уровень доступа к ресурсам федерального государства.

Трамп не фашист: для этого ему недостаёт партийной организации, народных дружин и идеологии. Его внешняя политика представляет скорее «изоляционистской», чем

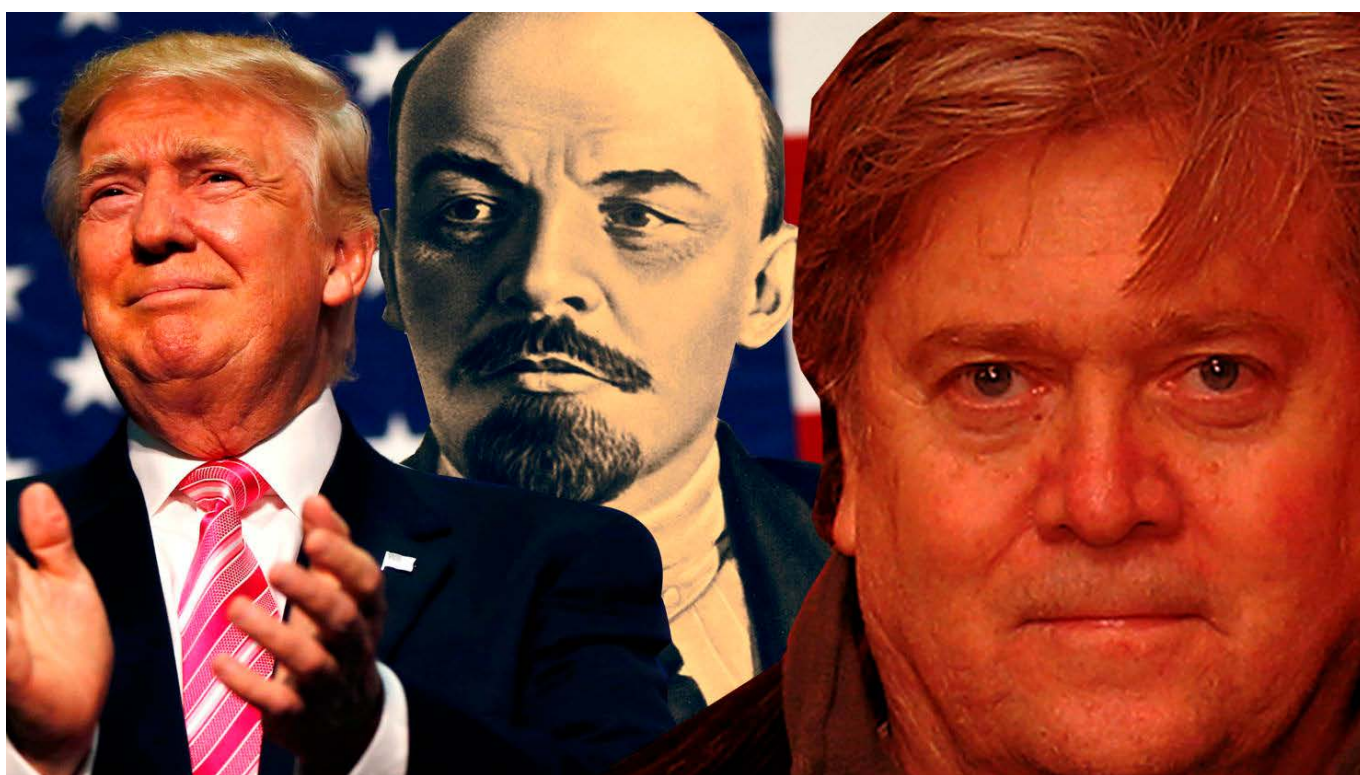
экспансионистской в классическом фашистском смысле. Очевидной параллелью Трампа может показаться Берлускони, однако между ними есть два важных различия. Во-первых, итальянский магнат гораздо в большей степени был частью истеблишмента, чем Трамп. В руках Берлускони находилась огромная медиа-империя, что обеспечивало ему прямую и тесную связь с властными элитами страны. У Трампа этого нет. Возможно, более важно то, что Берлускони ориентировался на Рональда Рейгана как на ролевую модель, играя на стремлении итальянцев к американской «нормальности». В общем, Берлускони является неолибералом позднего периода; Трамп явно не вписывается в это определение. Возможно, Путин или Орбан являются более подходящими аналогиями. С этой точки зрения Трамп может рассматриваться как «нео-патримониальная» фигура, которая собирает вокруг себя неформальный круг последователей, обещающая наградить их государственными милостями.

Перспективы «трампо-кейнсианской» экономической программы вызывают всё больше сомнений. В рамках этой стратегии федеральные ресурсы можно было бы перенаправить на Верхний Северо-Запад в надежде сформировать прочный избирательный блок. Однако проект резкой стимуляции роста экономики США посредством довольно анахроничной формы капитализма, управляемого государством, имеет очень мало шансов на успех. Таким образом, можно ожидать дальнейшего дрейфа и упадка. С другой стороны, победа Трампа привела к глубокому расколу внутри элит, который может открыть возможности для прогрессивных изменений в США. ■

Корреспонденцию направляйте Дилану Райли
<riley@berkeley.edu>

> Подъём правого ленинизма

Джихан Тугалъ, Калифорнийский университет, Беркли, США

Стив Бэннон, интеллектуальный архитектор альтернативных правых, прямым текстом обращается к ленинскому призыву разрушить государство.

Победа, одержанная в Америке правыми популистами, стала неожиданностью для половины населения страны. Впрочем, если рассматривать её в контексте мировой истории, то в ней нет ничего невероятного. Если быть кратким, то циклы бумов и спадов неолиберальной эры себя исчерпали. Экономический кризис не напрямую определяет политическую повестку, однако идеологические нападки на все формы коллективизма (начавшиеся в семидесятых) отрезали человечество от центристских и левых идей по исправлению капитализма. Отказ

неолибералов от властных полномочий и непреходящий антиколлективизм — мировые тренды, и здесь я не буду упоминать о них в подробностях. В Америке эта ситуация усугубилась из-за произошедшего за несколько минувших десятилетий исторического трансфера популистского языка и политики от левых к правым. В результате левые не могут даже соперничать, как следует, на поле популизма (не говоря уже о том, чтобы исправить или победить капитализм), а у правых, бросающих им вызов, вполне достаточно энергии, силы духа и обещаний — а возможно, и настоящих решений многих проблем.

>>

> Либерализация левых

Левые больше не могут убедительно высказываться в популистском духе. Они не знают, как это делать. А большинство их идеологов этого не хотят. Чтобы понять, отчего популистские мотивы стали так редко звучать у американских левых, нам нужно обратиться к историческим корням антипопулизма нашей эпохи.

По моим наблюдениям, как ни парадоксально, началом этого сдвига является то, что формально считается самой демократической революцией двадцатого столетия — события 1968 года (и их восприятие западной общественностью). 1968 год, помимо своей антикапиталистической направленности, был бунтом против государственных и бюрократических перегибов сталинизма, социал-демократии и «Нового курса». Антибюрократические настроения того периода, будучи во многих отношениях оправданными, всё же в конечном итоге для многих послужили причиной сделать неверные выводы из ниспровержения этатизма и победы (нео)либерализма. 1968 год был необходимой ошибкой. Правые оправились от неё. Левые — нет.

Две главные общественные силы, наследующие на Западе событиям 1968 года — левые либералы и движения анархистов/автономистов — заразились неизлечимой подозрительностью не только в отношении организаций, идеологий и лидеров, но и в отношении высказываний от имени большинства, от имени «народа». Все подобные высказывания вместе с соответствующей политикой стали клеймить как «тоталитаристские» и тоталитарные (радикальные левые) или «безответственные» и бесполезные (левые либералы). За исключением стран Южной Европы (где левый популизм, хотя и без классовых, идеологических и организационных привязок, вновь появился на сцене) и Латинской Америки, освободившуюся нишу заняли правые.

Считающиеся забытыми либертарианские настроения 1968 года легли в основу антигосударственной позиции (антиэтатизма) неолибералов. Но гораздо больше вреда нанёс случившийся в результате

раскол в рядах левых, разделение на нигилистов-постмодернистов и левых либералов.

В чём заключается леволиберальный проект? Левый либерализм, несмотря на глобальный масштаб идеологии и образа действий, ярчайшим образом проявился в Соединённых Штатах и Великобритании. Главным словом тут стало «включение» (inclusion), категория, заменившая «равенство». Новые англоязычные центристы («новые лейбористы» и клинтонины), вдохновлённые такими социологами, как Энтони Гидденс, сосредоточились на том, чтобы пригласить за стол переговоров побольше разных людей. За три десятилетия всё большее число рас, гендеров, сексуальных ориентаций стали включёнными в социальное пространство — но места за столом поубавилось. Таким образом необходимо признать, что мужчины и женщины из числа темнокожих и латиноамериканцев (и даже мусульман) смогли оказаться на таких постах, о которых раньше не могли и мечтать. Тем не менее, в США временно увеличилось количество темнокожих и латиноамериканцев, содержащихся в тюрьмах, и выросло число мусульман, которых Соединённые Штаты бомбили, обложили санкциями или морили голодом.

Политика левых либералов в отношении (конвенционально признанных) меньшинств заключалась в принятии целевых социальных программ. При этом лидеры демократов постеснялись отбирать деньги у крупных хищников и могли проводить свою политику включения, лишь продолжая виктимизировать тех белых, которым места за столом уже не хватало. Потерявшие свои позиции белые стали восприниматься как сборище расистов, «изгоев общества» — людей, с которыми больше разговаривать не о чем (что стало правдой благодаря реализации самого леволиберального проекта).

> Самоуничтожение левых как услуга правым

Политика включения не привела к долгосрочной мобилизации и организации меньшинств (отсюда и знаменитые «потерянные» голоса темнокожих на выборах 2016 года

в США). Потерявшие свои позиции белые с недоверием относятся к обеим партиям, считая либералов более отвратительными. И пока не начала расти популярность Сандерса, левый истеблишмент (как левые либералы, так и представители прогрессистского крыла) поддерживал либеральную игру на основе элитно понимаемой политики «многообразия» и «включения». Эта укоренившаяся политическая предрасположенность делает крайне маловероятной возможность повторения политики, подобной «Новому курсу».

А что же левые радикалы? Многие радикально настроенные интеллектуалы и активисты, несмотря на ярко выраженную нелюбовь к левым либералам, вместе с ними приветствуют «конец идеологии» и конец организованного лидерства (проявляющийся в «ризоммах» у левых и в электорализме у прогрессивного крыла Демократической партии). Везде, от событий в Сиэтле до движения «Оккупай», американские левые изо всех сил старались не просто избежать организации вокруг лидера — они старались её саботировать. Оттого-то правые оказались в большей степени готовыми занять опустевшее место. Чрезвычайно важно, что правые не отказались ни от идеологии, ни от организации вокруг лидера. Формально они боролись и с тем, и с другим, но в то же самое время они незаметно подготавливали почву для идеологии, организационных структур и лидеров.

Пока левые хоронили то, что оставалось от появившихся благодаря 1968 году идеологии и организаций (при этом отдавая должное тому времени за его либертарианский и контркультурный дух), правые организовывались на основе бунта против 1968-го. Но в отличие от останков революции, с которыми правые, по их заявлениям, боролись, у них — правых — была чёткая организационная структура и идеология. То, что им удалось привлечь внимание мейнстримовой аудитории к правому радикализму — на самом деле является следствием применения временно забытых стратегий и тактик части участников событий 1968 года, основанных на своеобразном прочтении революционной теории Ленина.

“Я ленинист. Ленин хотел уничтожить государство, а это и моя цель. Я хочу развалить всё, разрушить всю сложившуюся к сегодняшнему дню систему госуправления”

Стив Бэннон, 2014 г.

**> «Ленинизм XXI столетия»
в политике американских
правых**

Отставка Стива Бэннона, ведущего интеллектуала американских альтернативных правых, произошедшая ещё до первой годовщины Трампа на посту президента — ложное утешение. На самом деле авантюра Бэннона в Белом Доме была лишь одним из этапов на долгом пути переноса популистско-революционного языка, тактик и стратегий от левых к правым. Бэннон, как сообщают, заявил: «Я ленинист. Ленин [...] хотел уничтожить государство, а это и моя цель. Я хочу развалить всё, разрушить всю сложившуюся к сегодняшнему дню систему государственного управления». Но что же включает в себе такой ленинизм? В условиях сложного демократического государственного устройства ленинизм может продолжать существование только в качестве популизма «долгой революции». Десятилетиями социологи продолжали заявлять, что ввиду укоренившейся расстановки политических сил третьей силе в США не добиться значительных результатов. На этом якобы «научном факте» и основывалась самодовольная самоуверенность либеральных левых и анархистов/автономистов. Первые находили в нем оправдание своему низкопоклонству перед неолиберализмом, вторые — избеганию организованной политики. Радикальные правые Америки опровергли этот «факт». Они будто бы следовали указаниям пересмотренной с позиций XXI века работы Ленина «Что делать?» (1902 г.), сформулированным в следующем предложении: «Если не можешь создать свою партию — парализуй работу чужой; расстрой её планы; захвати в ней власть». Они сделали всё это одновременно. Дальше в нашей воображаемой обновлённой брошюре «Что делать?» следовало бы такое: «Перед тем, как де-юре возглавить партию, убедитесь, что все её институты ослаблены». Если бы «Движение чаепития» (популистское движение внутри Республиканской партии) не парализовало верхушку республиканцев, те смогли бы воспрепятствовать возвышению Трампа.

Американский правый популизм — это ленинизм в условиях демократии. В отличие от большевиков в России, которые фактически действовали подпольно и избегали открытого контакта с обществом и политической системой, американские правые выходят навстречу обществу с распростёртыми объятиями. Таким образом, в обновлённом «Что делать?» далее говорилось бы: «Создавайте организации во всех уголках общества. Не стоит пренебрегать ни одним пространством для организации и политической деятельности, даже если (и в особенности, если) оно, как кажется, принадлежит враждебному лагерю». Правые научились не позволять левым монополизировать области образования, науки, и культуры. «По возможности захватывайте организационные и идеологические структуры ваших противников. Разрушайте то, что не сможете захватить». Начиная с самого Эндрю Брайтбарта, основателя медиаплощадки для «альтернативных правых», правые читали мыслителей франкфуртской школы. Они уделили большое внимание вопросу здравоохранения, а с приходом к власти Трампа и Бэннона стали обещать обеспечение рабочими местами и инфраструктурой.

Сегодня правые ленинисты не могут оставить без внимания существование других общественных сил с популистским потенциалом, как бы незначительны те ни были. «Что делать?» двадцать первого столетия, таким образом, завершалась бы таким предложением: «Если некоторые позиции ваших противников представляются неуязвимыми для такой тактики, провоцируйте их на непродуманные и незаконные действия». Когда альтернативные правые в начале 2017 года посетили Калифорнийский университет в Беркли и другие места, где сохранилось остаточное влияние левой идеологии, либералы стали защищать их от критики левых радикалов, не пользующихся широкой общественной поддержкой, во имя «свободы слова». Энтузиазм либералов в области защиты «свободы слова» слегка уменьшился, когда представитель альтернативных правых въехал на машине в группу протестующих против расизма в Шарлоттсвилле, однако в «Вашингтон пост» продолжали делать упор на проявлениях жестокости левых радикалов и свободе слова для альтернативных правых, когда те вернулись в Беркли в сентябре 2017 года. Одним выстрелом было убито множество зайцев. Противник разоблён; на виду оказались его замешательство, безвольность и слабость; его репутация подмочена; а у самих радикальных правых появляется стимул действовать дальше.

Поскольку сегодня «государство» значит нечто гораздо более сложное, чем это слово могло означать в двадцатом веке, его «разрушение» требует гораздо менее масштабных усилий, чем это было в 1917 году — по крайней мере, сейчас это так. Мы всё ещё не знаем, что правые готовят на случай полного выведения из строя существующих государственных институтов, но, возможно, скоро узнаем. Сразу после отставки Стив Бэннон объявил «войну» своим врагам, радостно добавив, что вновь берётся за своё «оружие» (имелись в виду электронные СМИ). Популистская революция в стране укоренившегося (пусть и загнивающего) либерализма — задача непростая, и на её пути неминуемо окажется много препятствий. Но представление ещё совсем не закончилось. ■

Корреспонденцию направляйте Джихану Тугаю <ctugal@berkeley.edu>

> Демократия в Бразилии и ЮАР под угрозой

Гэй У. Сидман, Висконсинский университет в Мэдисоне, США; член ИК 44 МСА по исследованию рабочего движения

Президент ЮАР Джейкоб Зума, обвиняемый во множестве финансовых махинаций, вместе со своими пособниками — братьями Гупта.

С момента неожиданной победы Трампа на выборах было много сказано о глобальных вызовах и угрозе популистского авторитаризма, но в большинстве случаев предметом обсуждений были богатые страны Глобального Севера. Но как обстоит дело с новыми демократическими государствами Глобального Юга?

Вот уже 25 лет Бразилия и Южно-Африканская Республика служат благородными символами новой эры. После десятилетий авторитарной индустриализации два общества, некогда известные самым высоким уровнем неравенства в мире, стали уверенно продвигаться в сторону конституционно-демократического государства, где избранные народом лидеры обеспечивают как широко-масштабные программы социального обеспечения, так и экономический рост в сочетании с интеграцией в мировое сообщество.

В обеих странах в 1990-е гг. народные движения объединили в себе гражданское общество, движения за права рабочих и бедноты, став для мира символами возможного постколониального будущего. В обеих странах партии, державшие курс на прогрессивные перемены, стремящиеся уравновесить экономический рост и демократическую политику, пришли к власти в ходе демократических выборов.

Обе страны как экспортёры полезных ископаемых и других основных видов сырья извлекли выгоду из высоких цен на сырьё в начале двухтысячных. Опирающиеся на поддержку народа партии, казалось, нашли нужную точку равновесия, отвечая интересам как зарубежных инвесторов, так и местного населения, поддерживая связь с мировой экономикой и одновременно проводя социальную политику «в защиту бедных», направленную на те сегменты общества, которым до того не оказывалась помощи.

Но сегодня в рядах партии АНК в ЮАР и бразильской «Партии трудящихся», оказавшихся под ударом из-за обвала мировых цен на сырьё, воцарился хаос — их раздирают на части обвинения в коррупции и стремительно исчезающая поддержка населения. В обеих странах в громких коррупционных скандалах оказались замешаны представители партийной верхушки. Крупные частные компании в обеих странах занимались подкупом партий и политиков, чтобы получить одобрение масштабных строительных проектов, субсидии для негосударственных компаний и прибыльные государственные заказы, и это вызвало мощные волны народного гнева.

Коррупция, конечно, не новость в этих странах. В обоих обществах двигателем авторитарной индустриализации исторически были расчётливые сделки в кругах политической элиты: репрессивные правительства были тесно

>>

связаны с крупными корпорациями, успех которых зависел от государственных заказов и благосклонности политиков.

Но в условиях демократии возникла новая степень информационной открытости: демократические институты и СМИ открыли такие подробности, которые в прошлом никогда не всплыли бы на поверхность. В обеих странах подробные свидетельства коррупции невероятных масштабов были предоставлены независимыми следственными подразделениями, созданными (как и новые механизмы защиты свободы слова) в рамках новых демократических структур. В демократических государствах действия политиков и государственных учреждений могут быть обжалованы в суде, что позволяет по-новому взглянуть на то, что некогда было совершенно привычным.

В Бразилии «Партия трудящихся» наделила новыми полномочиями лиц, ведущих независимое расследование, позволив государственным следователям предлагать давшим согласие выступить в качестве свидетелей в суде смягчение наказания. Это нововведение было главной причиной, по которой следователи смогли распутать клубок коррупционных интриг в ходе операции «Автомойка» (*Lava Jato*) и последующих операций, обвинив политиков во всех возможных сортах сговора на материале аудиозаписей переговоров. В Южной Африке согласно введённой после эпохи Апартеида Конституции было создано новое учреждение, занимающееся независимыми расследованиями, сотрудники которого назначаются Парламентом на один срок. В конце 2016 года общественный защитник (*Public Protector*, должность уполномоченного по правам человека, введённая согласно Конституции) в докладе под названием «Приватизация государства» объявил о множестве коррупционных контрактов, заключённых между государственными учреждениями и частными компаниями. После этого события масштабная утечка электронных писем, которыми обменивались представители правительства и частных компаний, позволила независимым новостным агентствам ЮАР в подробностях рассказать народу о том, каким именно образом частные подрядчики наживаются на государственных заказах.

Что неудивительно, эти разоблачения вызвали гнев широкой общественности. В обеих странах широкомасштабные уличные демонстрации и протесты нашли активную поддержку оппозиционных партий, в особенности на фоне вступления стран в период рецессии из-за обвала цен на сырьё. Что важно, программы поддержки бедняков в основном финансировались за счёт НДС и налогов на прибыль, а не имущественных налогов или налогов на роскошь. По мере роста рецессии недавно возникший городской средний класс стал выплёскивать своё недовольство и в социальных сетях, и на улицах.

Разочарование в политиках привело к политической нестабильности: некогда популярные фигуры оказались в опале, а альтернативы им сразу же не появилось. Бразильские медийные бароны, придерживающиеся правых взглядов, поддержали консервативных политиков, и многие комментаторы называли это «тихим заговором». Импичмент бывшему президенту страны, Дилме Русеф,

Обвинения в коррупции коснулись лидеров главных политических партий Бразилии, в том числе президента Темера и пользующегося популярностью бывшего президента Лулы.

представляющей Партию трудящихся, вынесли не вследствие вскрывшихся фактов личного коррупционного обогащения, но вследствие одобренных ею махинаций с отчётностью, из-за которых во время экономического спада продолжался расход средств на социальное обеспечение.

Консервативные политики Бразилии спешно объединили свои силы. Нынешний президент Мишел Темер (правый политик, бывший при Дилме вице-президентом, а затем возглавивший кампанию за отстранение её от власти) оказался замешан в нарушениях закона, связанных с получением взяток чемоданами наличных, что подтверждено видеозаписями. Впрочем, Темер уже не раз доказал свою способность оставаться у власти благодаря юридическим махинациям. В Сенате Бразилии большинство составляют политики-консерваторы, многие из которых также находятся под обвинениями в коррупции. Сенат всецело поддержал Темера, игнорируя призывы к проведению досрочных выборов и вновь подтвердив силу старинных бразильских традиций в том, что касается безнаказанности и власти элит.

Для бедняков Бразилии изменения в составе правительства означают реальные перемены в повседневной жизни. Правительство Темера, получившее власть не по

итогах выборов, свернуло большинство программ помощи беднякам, урезав пенсии и социальные пособия, переведя систему социального обеспечения в режим строгой экономии, отменив ряд законов в области охраны труда и ограничив будущие расходы на социальную сферу.

Из-за скандалов в рядах некогда внушительной бразильской «Партии трудящихся» произошло замешательство. Бывший президент Лула да Силва, самая популярная фигура в партии, был приговорён к десяти годам тюрьмы по обвинению в коррупции (которое он данный момент он оспаривает в суде). Среди тех, кто поддерживал партию (включая некогда сильное профсоюзное движение Бразилии), воцарились разочарование и беспорядок.

Происходящее в политической сфере в ЮАР удивительным образом напоминает бразильскую смуту. По мере того, как основанная на торговле сырьём экономика страны погружалась в рецессию, налогоплательщики из среднего и высшего классов всё больше выражали недовольство правительством, бессмысленно расходуя бюджетные средства. Нынешнее руководство партии АНК оказалось в центре скандала и едва избежало вотума недоверия, несмотря на парламентское большинство партии.

Коррупционное обогащение президента Джейкоба Зумы — факт широко известный. Миллионы долларов были потрачены на его личные, а не государственные нужды. В ходе продолжающихся по сей день судебных процессов и крупных утечек электронной корреспонденции выяснилось, что прибыльные государственные заказы в обход закона доставались родственникам и приятелям Зумы, среди которых наиболее выделяется новоявленный иммигрантский клан Гупта, чья фамилия теперь стала синонимом злостных расхитителей государственных денежных средств.

Особенно важно, что в обеих странах коррумпированы не только политики. Многие представители бразильских нефтедобывающих компаний, строительных компаний и гигантов агропрома были уличены в даче громадных взяток отдельным лицам и заинтересованным сторонам, как правило, в обмен на прибыльные государственные заказы. В ЮАР значительное число принадлежащих белым компаний (а также фирм поменьше, принадлежащих чернокожим, немецких, китайских и английских транснациональных корпораций) было уличено в махинациях в ходе тендеров и подкупе чиновников.

Недавние утечки информации также привлекли внимание общественности к профессионалам, работающим на международные бухгалтерские и юридические компании. Лицензированные бухгалтеры и юристы признавали нечестные сделки действительными, иногда подчищая отчетные документы таким образом, чтобы всё казалось законным. В этих махинациях оказались замешаны даже фирмы, занимающиеся связями с общественностью: действовавший в интересах консорциума клана Гупта британский гигант «Белл Поттингер» организовал агрессивную кампанию в социальных сетях, целью которой было (как это ни парадоксально) заклеймить критиков Зумы как «агентов белого монополистического капитала».

Естественно, тут важен исторический контекст. Если правым политикам в Бразилии удалось откатить реформы, проведённые ранее демократически избранным правительством, то чернокожее большинство в ЮАР никогда не допустит возвращения апартеида и «превосходства белых». Как и в Бразилии, в ЮАР избранные демократическим путём правительства принесли настоящие позитивные изменения в повседневную жизнь бедных семей: от подключения к электричеству и водопроводу до денежных субсидий и пособий.

Но в то время как бразильская Партия трудящихся потеряла поддержку многих представителей среднего класса, чернокожие жители ЮАР продолжают с большим одобрением относиться к стремлению АНК расширить программы социального обеспечения. В истории обеих стран дискриминация по национальному признаку — вещь давно известная, но политика ЮАР, в которой утверждалось «превосходство белых», ещё свежа в памяти народа, и в политических симпатиях до сих пор находит отражение долгая борьба с апартеидом. Вдобавок к тому, многие чернокожие представители среднего класса в ЮАР (которые всё ещё в целом не могли рассчитывать на руководящие посты в частных компаниях) с укреплением власти АНК получили работу учителей, медсестёр, полицейских, чиновников или политиков на государственной зарплате, что укрепило их чувство преданности партии.

И всё же число людей, преданных АНК, возможно, сокращается — в особенности в городской местности, где молодёжь массово выражает недовольство высоким уровнем безработицы, неприемлемой работой общественных учреждений и неравенством возможностей и заработков у представителей разных этнических групп. Харизматичный (и коррумпированный) экс-лидер молодёжного крыла АНК привлёк множество молодых людей под знамёна своей новой партии БЭС («Борцы за экономическую свободу», *Economic Freedom Fighters*), всего лишь посулив перемены в самых общих чертах. Если Зума останется на своём посту, АНК на следующих выборах может потерять парламентское большинство, а позиции авторитарно-популистской БЭС вполне могут упрочиться.

Что будет дальше? В обеих странах угроза антидемократического разворота, усугублённая избранием Трампа, кажется более чем реальной. С начала девяностых граждане Бразилии и ЮАР могли рассчитывать на помощь могучих союзников, в особенности Соединённых Штатов, в том, что касалось поддержки и защиты ещё не окрепшего демократического строя. Но молчание Белого Дома при правлении Трампа только усугубляет повсюду чувство тревоги: неужели возможно обнулить достижения демократии? Даже без захвата власти военными нынешние правящие круги Бразилии занимаются тем, что со стороны выглядит как лишение населения прав, которыми его наделило избранное правительство. ЮАР вряд ли ждёт возвращение «превосходства белых», но угроза популистского авторитаризма выглядит вполне реальной. ■

Корреспонденцию направляйте Гэй Сидман <gseidman@wisc.edu>

> В фокусе — Аргентина

Хуан Игнасио Пиовани, Национальный университет г. Ла-Плата, Аргентина, член ИК 07 МСА по исследованиям будущего и ИК 03 по исследованиям в области логики и методологии (ИК 33).

Члены совета CODESOC и директор программы PISAC Хуан Пиовани в 2017 г. провели встречу с министром науки и технологии, где обсуждали будущее программы. Фото предоставлено Министерством науки и технологии.

Вскоре после того, как аргентинское научное сообщество с энтузиазмом встретило учреждение нового Министерства науки и технологии, министр, известный химик Лино Баранья, выступил с развернутым интервью. В разговоре с газетой *Página 12* Баранья говорил о перспективном вкладе научных исследований в развитие национальной экономики и делился планами на поддержку работ в области программного обеспечения, нано- и биотехнологий. На вопрос о социальных науках Баранья ответил, что их тоже нужно развивать, но, уподобив социальные науки теологии, подчеркнул, что только радикальный методологический сдвиг сможет сделать социальное знание истинно научным.

Надо ли говорить, что высказывание Баранья вызвало недоумение социальных ученых, и Совет деканов факультетов социальных и гуманитарных наук (CODESOC) немедленно обратился к министру за разъяснениями. Деканы рассчитывали на объяснение, даже извинение, и искали прямого диалога с министром, чтобы рассказать о том, что социальные науки сделали (и смогут сделать) для развития общества.

В итоге министр согласился присутствовать на пленарном заседании Совета в 2009 году, где объявил о своем намерении поддержать крупный исследовательский проект, чтобы продемонстрировать вклад социальных наук в развитие общества. Это событие стало отправной точкой Национальной программы Аргентины по исследованию современного общества (PISAC), стартовавшей в 2012 года под эгидой

CODESOC. В программе принимают участие 50 факультетов социальных наук государственных университетов при финансовой поддержке Министерства науки и техники и Секретаря политики высшего образования (SPU).

В ходе разработки исследовательской программы пришло понимание, что в рамках одного проекта невозможно выполнить весь широкий круг актуальных научных и институциональных задач. Более адекватной оказалась программа, которая смогла бы объединить опытных и начинающих исследователей всей страны вокруг общих целей.

С самого начала запуска этой программы мы ясно обозначили, что не ставим своей задачей фундаментальные прорывы. Прежде всего, проект призван обобщить и приумножить традиции социальных наук в Аргентине, которые стали активно развиваться в ходе демократизации, начавшейся в 1983 году. Необходимо было признать также и существующие в этом поле проблемы: фрагментацию, региональную и институциональную асимметрию, столичное доминирование в исследовательских темах и объяснении социальных явлений, трудности в распространении социологического знания (внутри и вне академических кругов) и «невидимость» результатов исследований для широкой общественности - в особенности тех, которые были получены в «периферийных» региональных или институциональных контекстах.

Критическое осмысление путей развития аргентинской социальной науки в итоге привело к определению трех исследовательских направлений, включающих в себя более десяти проектов. Программа (PISAC) была организована вокруг трех фундаментальных тем. Главная цель заключалась в том, чтобы создать всеобъемлющее мультидисциплинарное аналитическое описание современного общества, теоретически информированное и эмпирически обоснованное. Однако мы также использовали представленную возможность для исследования институциональных и научных условий производства знания и системного осмысления уже существующих концепций аргентинского общества.

По своей логике Программа соотносится с четырьмя типами социологического труда, выделенными Майклом Буравым: критическому, профессиональному, политическому и общественному. PISAC относится к сфере критической социологии, поскольку изучает «кухню» социальных исследований в Аргентине: исследует, как они проводились, раскры-

>>

вает их теоретические и эпистемологические основания, позицию относительно гегемонных моделей производства знания и т. д. PISAC также занимается профессиональной социологией, ибо решает эмпирические исследовательские вопросы с использованием общепринятых методов и производит научные труды, ориентированные на академическую аудиторию.

В то же время PISAC стремится выйти за рамки самореферентного академического мира. Многие исследовательские вопросы Программы отражают политическую повестку; Программа тесно сотрудничает с государственными органами и общественными движениями с целью предоставления экспертного знания и влияния на социальную политику. Наконец, PISAC использует свое высокое положение для участия в публичных дебатах, подвергая критике расхожие представления об обществе и развенчивая социальные стереотипы, воспроизводимые в средствах массовой информации.

Исследуя условия производства знаний, мы также анализируем состояние национальной системы социальных наук, обращая внимание на такие аспекты ее организации, как географическое распределение научных и высших учебных заведений, академические траектории исследователей, научно-исследовательские программы, научные публикации и так далее. Этот проект Программы отображен в [статье Фернанды Бейгель в этом выпуске ГА](#), которая анализирует контрастные стили производства (и распространения) знаний в Аргентине и выявляет разрыв между учеными, руководствующимися доминирующими международными научными правилами и теми, кто в большей степени опирается на «домашние» образцы.

Что касается систематизации результатов предыдущих исследований, мы решили сосредоточиться на шести широких темах: социальная структура; условия жизни; государственное, правительственное и общественное управление; гражданство, социальная мобилизация и социальные конфликты; социальное и культурное разнообразие; культурное потребление и практики. Каждая тема была рассмотрена междисциплинарной группой, которая анализировала и систематизировала соответствующие академические публикации, создавая своего рода «обзор литературы». Эти отчеты теперь доступны широкой публике, а версию с открытым доступом можно загрузить из виртуальной библиотеки CLACSO по адресу: www.clacso.org.ar/libreria-latinoamericana и с веб-сайта PISAC по адресу <http://pisac.mincyt.gob.ar>. [Статья Алехандро Гримсона в этом выпуске ГА](#) показывает, как результаты исследований подвергают сомнению «официальный» портрет Аргентины как социально и культурно однородного общества. Как показывает автор, социальные исследования играют важную роль в производстве более точного образа нашего разнообразного общества, выявляя и демонстрируя борьбу различных социальных меньшинств.

Наконец, чтобы получить более комплексную картину современной Аргентины, мы решили провести три национальных опроса и полевые исследования в 339 городах с населением более 2000 человек. В одном исследовании основное внимание уделялось социальной структуре и условиям жизни; во втором — социальным отношениям; третье же было посвящено ценностям, установкам и репре-

зентациям. Мы выбрали этот методологический подход по нескольким причинам. С одной стороны, финансирование исследований уделяет приоритетное внимание микро-грантам, разбросанным по различным учреждениям и исследовательским группам, и не приветствует крупномасштабные проекты. С другой стороны, подавляющая приверженность социальных исследователей качественным подходам привела к тому, что социологи страны почти отказались от количественного и структурного анализа. Поскольку наши качественные исследования имеют недостаточное финансирование и вынуждены ограничиваться исследованием избранных социальных контекстов, как правило, крупных городских регионов, существующие до сих пор изображения аргентинского общества нечувствительны к очевидным территориальным (и другим) неоднородностям.

В этом выпуске [ГД Агустин Сальвия и Беренисе Рубио](#) обсуждают первый опрос, фокусирующий на структурах неравенства и мобильности Аргентины и условиях жизни конкретных социальных групп. [Габриэль Кесслер](#) представляет дизайн исследования социальных отношений, в котором рассматриваются такие вопросы, как социальный капитал, социабельность, самоидентификация и социальные барьеры, конфликтные социальные отношения, участие и коллективные действия — темы, на национальном уровне остающиеся мало изученными.

Теперь, когда результаты PISAC начинают публиковаться, социальные науки Аргентины сталкиваются с двумя новыми проблемами. С одной стороны, в настоящее время мы находимся в самой гуще нового политического цикла, отмеченного переходом к неолиберальной политике. Как и во многих других странах, это уже привело к сокращению финансирования исследований. До сих пор новые власти поддерживали инициативы PISAC и предоставляли необходимые средства, однако вопрос о том, будет ли Программа институционализирована в рамках Министерства науки и технологий и будет ли продолжена политика содействия крупномасштабным социальным исследованиям, остается открытым.

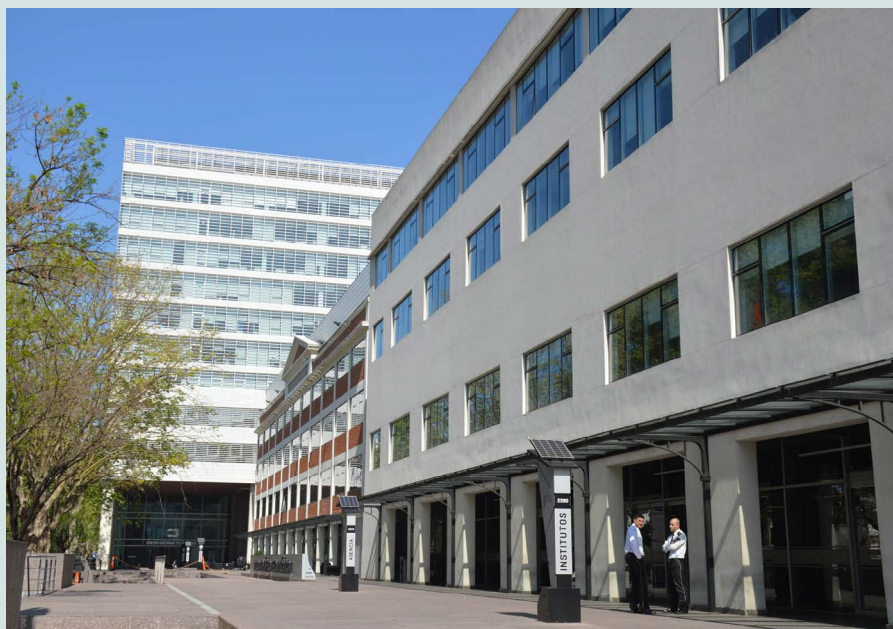
С другой стороны, мы являемся свидетелями развития, в особенности в социальных сетях, дискурсов пост-правды, отвергающих социальные науки как идеологически ангажированные, бесполезные и, следовательно, недостойные государственного финансирования. Очевидно, что все это, равно как и регулярные выступления высокопоставленных правительственных чиновников в поддержку исключительно «прикладных» исследований и «полезных» или «инструментальных» знаний, не помогают критическим социальным наукам.

Несмотря на сложности, предварительные результаты PISAC получили большое одобрение и поддержку со стороны широкого круга социальных и институциональных акторов: социологов, университетов, общественных организаций, общественных движений, журналистов и политиков. Такой позитивный публичный отклик дает нам повод для оптимизма в отношении будущего социологических исследований в Аргентине. ■

Корреспонденцию направляйте Хуану Игнасио Пиовани
[<juan.piovani@presi.unlp.edu.ar>](mailto:juan.piovani@presi.unlp.edu.ar)

> Картография социальных наук Аргентины

Фернанда Бейгель, Национальный университет Куйо, член ИК 08 по истории социологии

Министерство науки и технологии и Национальный научно-технический исследовательский совет в Буэнос-Айресе. Фото: Хуан Игнасио Пиовани.

За последние 40 лет география науки претерпела существенные изменения. Введение публикационной системы, задающей «универсальный» язык и стиль письма, а также сформировавшей академический мейнстрим, разделило академическое сообщество на центр и периферию. В позиции последней оказались целые научные сообщества, не публикующиеся в журналах, связанных с Институтом научной информации (ISI, теперь Clarivate Analytics/Web of Science).

При этом все большее внимание уделяется созданию альтернативных академических сетей, в числе которых движение *открытого доступа*, и региональных схем, таких как *Латиноамериканские научные публикации*. С начала 1960-х гг. развиваются тренды «регионализации» академической престижности (благодаря работе региональных центров) и «национализации» научной политики.

Существующие вне международного пространства локальные цепи (circuits) включают в себя множество неиндексированных журналов, выходящих исключительно в печатном виде. Эти журналы имеют ограниченную циркуляцию, выполняя при этом важную функцию воспроизводства не интернационализированных академических пространств. Какова же динамика этих периферийных научных областей? По моему убеждению, эти различные интеллектуальные схемы создают поляризованную среду для формирования «двуликой» академической элиты, часть которой ориентирована вовне, а часть — внутрь.

Все более тесная связь между вознаграждением за труд и публикационной активностью породила разные принципы легитимации и различные «цепи признания» (все они являются действующими, но предполагают различные системы вознаграждения), перекрывающиеся в национальном академическом поле. Растущая

>>

сегментация интеллектуальных пространств в мировой академической системе — и их влияние на положение ученых из периферийных областей — является не просто следствием верховенства английского языка в науке. Эти пространства подпитываются конкурирующими культурами оценки научного труда и структурными асимметриями. Академическое неравенство формируется по тройственному иерархическому принципу: на основании языка публикации, институциональной и дисциплинарной принадлежности.

Аргентина представляет собой интересный случай для анализа стилей производства и распространения научного знания. В последние годы произошло значительное увеличение государственного финансирования, различные аспирантские программы были объединены, а в логике распределения стипендий и академических назначений появился заметный «национальный» акцент. За последнее десятилетие число исследователей, работающих полный рабочий день, утроилось, увеличившись с 3694 человек в 2003 г. до 9236 человек в 2015 г. Однако еще одним итогом последних лет является увеличение разрыва между учеными, вписанными в доминирующие стили производства мировой академической системы и теми, кто в большей степени ориентирован на «домашнюю» академическую среду.

Индексирование публикаций определяет разные позиции в цепи признания. В национальном исследовательском агентстве CONICET высоко ценятся публикации в международных журналах, индексируемых в Web of Science или Scopus. Однако в области общественных и гуманитарных, а также аграрных наук, согласно CONICET, важны публикации в латиноамериканских журналах, индексируемых в SciELO или Latindex. В этой градационной культуре оценка качества и оригинальности сместилась в пользу индексации, фактора влияния или индекса Хирша - библиометрических данных, связь которых с качеством не очевидна и подлежит обсуждению.

Публикации в национальных или местных, неиндексируемых журналах, как правило, рассматриваются как важные для строительства карьеры тех, кто преподает в нестоличных вузах. В системе высшего образования Аргентины, отмеченной сильной традицией университетской автономии и политизации, локальный круг признания остается очень динамичным пространством, с сотнями журналов, издаваемых локально (и, в основном, только в печатном виде), в которых местные ученые публикуют свои работы, далекие от международных стандартов. Плохи ли эти работы? Учитывая, что локальное пространство еще не изучено, мы не можем сделать вывод об их научной ценности. Однако очевидно, что для многих организаций, особенно в социальных науках, до сих пор преобладает ориентация на локальную среду.

Наличие различных (и во многом противоположных) культур оценки качества научных публикаций создает сложные условия для сосуществования социологов с местной ориентацией и тех, кто руководствуется международной повесткой. Это проявляется прежде всего в расхождении маршрутов исследовательских научных карьер и в различиях правил получения постоянной позиции в 50 национальных университетах страны. Так, например, можно выделить две основные траектории научных карьер: одна ориентирована на критерии CONICET, другая — на признание в национальных университетах.

> Пятерка «лучших карьерных публикаций»

Каковы же характеристики лучших публикаций, по данным CONICET, где доминируют международные стандарты? Мы рассмотрели выборку из 4842 человек (из общего числа в 7906 исследователей), претендующих на повышение и указавших в заявке «пять публикаций, лучших в карьере». Выборка включает более половины всех активных исследователей, включённых в базу данных CONICET на 2015 год и сбалансирована по параметрам дисциплинарной принадлежности, возраста и иерархии, включая ассистентов, независимых исследователей, старших преподавателей и профессуру. Организация принимает заявки на повышение раз в год, на добровольной основе.

Важно отметить, что заявители выбирают пять «самых важных в карьере» публикаций, основанных на том, что, по их мнению, произведет впечатление на аттестационные комиссии. Таким образом, их выбор указывает на наличие консенсуса по критериям оценки в организации. Во многих случаях, особенно в социальных и гуманитарных науках (СГН), отобранные публикации не репрезентативны относительно общего списка публикаций, перечисленных в резюме.

База данных публикаций, попавших в выборку, вклю-

Рисунок 1: Пять лучших публикаций в карьере по дисциплинам в 2015 г. (n=23,852)
Среднее значение по языку и типу публикации (из 5)¹

чает 23 852 наименования, с указанием названия, типа (монография, глава монографии, статья, доклад на конференции, технический отчет) и языка публикации. Данные по языку пяти «карьерных» публикаций очень однородны: это английский в среднем для 4,02 из 5 публикаций (4,13 среди мужчин и 3,91 среди женщин). Это среднее значение несколько ниже для самого старшего поколения (65–85 лет), но разница минимальна, что говорит о том, что практика писать по-английски в Аргентине насчитывает несколько десятилетий. Что касается преобладания языка, данные показывают, что подавляющее большинство публикаций на английском языке принадлежат «точным» наукам (в среднем 4,77), тогда как в социальных и гуманитарных науках среднее значение составляет 1,23 из 5.

Распределение публикаций по типу более вариативно: монографии и главы монографий более распростра-

Рисунок 2: Средний показатель пяти лучших публикаций в карьере, распределение по академическим кругам, 2015 (n=7,071)

нены среди ученых старшего поколения и среди социологов. У представителей младшей когорты (в возрасте 31–44 лет), однако, 4,4 из 5 лучших публикаций в карьере являются статьями, что свидетельствует о возрастающем доминировании этого жанра во всех научных областях. Среднее количество статей для исследователей в области социальных и гуманитарных наук составляет 2,8 из 5. К сожалению, по публикации академических монографий нет данных региональных или национальных исследований.

Интересно, что большинство из 941 исследователей, работающих в области социальных и гуманитарных наук (СГН), работают в национальных университетах или в центрах сотрудничества CONICET и университетов, таких как Университет Буэнос-Айреса (УБА). По уровню образования 33,7% получили докторскую степень в УБА, что несколько превышает средний показатель по выборке,

а 43,5% — степень бакалавра в УБА, что намного выше среднего показателя. 56% исследователей СГН составляют женщины, и в среднем 1,14 из 5 их «лучших в карьере» публикаций были написаны на английском языке. Для мужчин среднее количество работ на английском языке несколько выше, 1,35 из 5.

Что мы можем узнать о распространении «лучших карьерных» публикаций, названных исследователями? Как видно на рисунке, 2,83% публикаций принадлежат области академического мейнстрима. Другие 17%, за пределами доминантного круга, принадлежат перу ученых СГН (76%) или являются докладами на международных конференциях и отчетами об интеллектуальной ответственности (24%).

Социальные науки в CONICET представлены в соответствии с общей схемой оценки качества научного труда на основе индексов активности, а не оригинальности. В этой сфере меньше публикаций, принадлежащих области мейнстрима, однако, заметен приоритет региональной индексации. SciELO, Latindex и транснациональные системы, такие как DOAJ и Dialnet, служат хранилищами, в которых индексируются большинство публикаций СГН. Публикации в Аргентине составляют менее 7% от общего числа, и большое количество из них произведено учеными СГН. Доминирующей тенденцией в этих дисциплинах является выбор в пользу испанского или португальского языков и публикации в латиноамериканских журналах, индексируемых в основном в Latindex.

В полных версиях своих CV большинство исследователей, работающих в области СГН, показывают значительно больше локальных публикаций, чем международных. Исследование «карьерных» публикаций дает представление о растущем консенсусе в CONICET по критериям оценивания научной и престижной работы, при этом, не утверждая, что эти представления полностью определяют академические карьерные траектории. CONICET существенно упрочила свои позиции в системе оценки качества научной работы, что привело к распространению — хоть и неравномерному — международных критериев в академическом мире. Однако представления о престиже в аргентинской академии остаются сложным полем значений, определяемым сосуществованием различных принципов легитимации и признания. ■

¹ Более подробные данные к этим двум рисункам см. в Beigel, F. (2010) "Social Sciences in Chile (1957–1973). A laboratory for an autonomous process of academia-building" в: Alatas and Sinha-Kerkhoff (eds.), *Academic Dependency in the Social Sciences: Structural Reality and Intellectual Challenges*. New Delhi: Manohar, pp.183–212; и Beigel, F. (2016) "Peripheral Scientists, between Ariel and Caliban. Institutional Capital and Circuits of Recognition in Argentina. The 'career-best publications' of the researchers at CONICET" в: *Dados* 59(4): 215–255.

Корреспонденцию направляйте Фернанде Бейгель
mfbeygel@mendoza-conicet.gob.ar

> Социальное и культурное разнообразие в Аргентине

Александр Гримсон, Национальный университет Сан Мартина, Аргентина

Боливийские иммигранты на гей-параде в Буэнос-Айресе отдают должное разнообразию и одновременно протестуют против расизма и антииммигрантских настроений, 2016 г.
Фото: Федерико Карузо.

Каждая нация гораздо более гетерогенна по своему социально-культурному составу, чем она себя представляет, но Аргентина, вероятно, в этом смысле особый случай. Большинство аргентинцев убеждены, что в Бразилии больше коренного населения, чем в Аргентине, однако по факту, согласно национальной переписи населения 2010 г. перед нами совершенно иная картина. Если в Бразилии к коренному населению отнесли себя 850 000 человек, то в Аргентине таковых оказалось 950 000, т.е. 2,4% населения Аргентины и 0,4% населения Бразилии, соответственно.

В Аргентине государство сконструировало представление о стране как о европейском обществе в Южной Америке, как если бы вся страна (восьмая по величине на Земле) была репликой центра Буэнос-Айреса. Однако в последние десятилетия этот образ начал размываться. Требования коренных народов, новый космополитизм, ослабление государства и его постепенное принятие менее гомогенной перспективы совпало с развитием социальных исследований, подвергших сомнению традиционный образ страны как европейской, белой и принадлежащей к географическому «центру». При этом исследователи до сих пор избегают «втискивания» этого разнообразия в глобальные модели, предлагаемые неолиберальным мультикультурализмом.

> Традиционная перспектива: европейскость и плавильный котёл

Нарратив, описывающий Аргентину как «плавильный котел», имеет в своем основании государственный националистический проект. Он зиждется на представлении о том, что аргентинцы «высадились с кораблей» — прибыли

>>

на эту землю на испанских, итальянских, польских и других судах из Европы. Этот образ натурализует и ограничивает образ Аргентины как преимущественно белого и европейского общества. Это представление подкрепляется предполагаемым отсутствием коренных народов и народов африканского происхождения и является частью гегемонного взгляда на пространственную организацию страны, взгляда «porteño» — столичного жителя, отождествляющего Аргентину с Буэнос-Айресом.

Так же, как в Бразилии, предполагаемый плавильный котел Аргентины включает «расы» европейских национальностей, отказывая во внимании коренным народам и афро-аргентинцам. С конца девятнадцатого века аргентинское государство стремилось создать «цивилизованную» нацию путем поддержки иммиграции, экономического прогресса и всеобщего образования. Этот проект опирался на гипотетическую способность европейской иммиграции вытеснять культурные привычки коренного населения, рассматриваемые в доминантной перспективе как главное препятствие для развития.

Настойчивое стремление правительства создать этнически определенную нацию с гомогенной культурой, усиленное эффективными политиками социальной инклюзии, привело к тому, что все отклонения или особенности расценивались как негативные — или напрямую вытеснялись за пределы видимости. И пока гомогенизирующий проект шел хорошо, этничность являлась запрещенной политической темой, подавляемой институционально.

Таким образом, в основе развития Аргентины лежал пакт двух совершенно различных смыслов понятия «равенства», соединяющий избегание или затирание всех этнических различий и культурное единообразие как условие доступа к привилегиям гражданства.

Согласно пакту, каждый аргентинец, который смог войти в элиту или стать частью городского среднего класса, становился «белым»; в этом пространстве не было дискриминации. Однако фундаментальное разделение исключало большие группы наёмных работников и народные массы, воспринимая их как бедных, «negros», варваров и «внутренних мигрантов» — особенно если эти группы принимали участие в крупных политических событиях. Варварству противопоставлялась цивилизованность, отождествляемая с аргентинскостью, белой расой, европейскостью, образованностью.

Примерно 56% современного населения Аргентины имеют местные корни, что, однако, не означает, что они считают себя коренными. Аргентина в течение длительного времени отрицала расовое смешение, равно как и собственно присутствие коренных народов и территориальных, религиозных и лингвистических различий, и многое в аргентинской политической истории трактуется с позиций этой исторической матрицы стандартизации и исключения.

Аргентинская цивилизационная модель формировалась на бинарных оппозициях, и эта основанная на дихотомиях социальная саморепрезентация оказалась настолько сильной, что продолжает пронизывать коллективные представления населения, включая их политические взгляды. Белый или черный; цивилизация или варварство; столичный город или провинция; *peronistas* (сторонники партии Перона) или *antiperonistas* (антиперонисты).

> Расизм и классизм

Аргентина представляет собой случай «расизма без расистов». Согласно старому мифу, «в Аргентине расизма нет <...> потому что нет «черных» (*negros*). Хотя в Аргентине немного людей африканского происхождения, выражения «*negro*» или «*negro de alma*» (черная душа) используются достаточно часто, в уничижительном смысле и по отношению к бедным, жителям трущоб, рабочим профсоюзам, уличному протестному движению, футбольным фанатам команды Boca Juniors или перонистам.

Тем не менее, ни одна политическая партия не использует открытую расистскую или ксенофобскую риторику в своих кампаниях. Аргентинцы не все расисты, и не все расистские позиции одинаковы; расизм против иммигрантов из соседних стран отличается от расизма в отношении темнокожих мигрантов из провинций («*el interior*»), людей с африканскими корнями (в особенности тех, кто недавно прибыл из Сенегала), или иммигрантов из Азии и других групп. Более того, расизм часто пересекается с классизмом, когда выражение «*negro*» часто используется как синоним к «бедноте».

Социальные исследования показывают, что хотя расизм и классизм концентрируется главным образом в областях с доминирующим белым населением и высоким уровнем жизни, эти установки проявляются и в языке широких масс. Хуже того, слово «*negro*» также используется в повседневной жизни для выражения близости и симпатии между друзьями, детьми и родителями или в парах. «*Che, negro*» — это добродушное, неформальное обращение в отношениях между близкими людьми.

> Региональные, лингвистические и религиозные различия

Аргентинское общество глубоко гетерогенно в своих верованиях, практиках, ритуалах и идентификациях. Однако предписывающая гегемонная культура единообразия не только игнорирует реальность различных региональных и провинциальных ситуаций, но и принижает любую социально-культурную продукцию, художественную и научную, подвергающую сомнению предполагаемую однородность.

Самоидентификация Аргентины зиждется на идее сочетания испанского языка и католицизма. Реалии, однако,

>>

существенно сложнее. В некоторых провинциях используются автохтонные языки, такие как кичва или гуарани. Китайский и корейский языки пришли вместе с мигрантами и стали заметны с 1980х гг. Кроме того, различные влияния - в особенности экстенсивная испанская и итальянская иммиграция - оставили следы в разнообразии испанского в стране, проявляющемся в различиях в словоупотреблении, идиоматических выражениях, акцентах и тому подобное. Религиозное разнообразие не менее сложно; хотя многие коренные народы перешли в христианство, некоторые традиционные верования остаются важными для формирования идентичностей. Многие современные аргентинцы исповедуют и практикуют иудаизм, различные протестантские течения, афро-бразильские религии, ислам, буддизм и спиритизм.

> Социально-культурное разнообразие и будущее Аргентины

Если аргентинцы не начнут уделять больше внимания разнообразию своей страны, то на критических поворотах, через которые проходит любая страна (а в Аргентине эти повороты цикличны), могут легко возникнуть дискриминирующие дискурсы и практики, переводящие различия в иерархию моральности, престижа и прав. На протяжении десятилетий существовало представление о диалекте Буэнос-Айреса как единственно правильном, в то время как любые другие диалекты и акценты воспринимались как признак неполноценности.

Сегодня, будучи страной иммиграции, Аргентина приветствует новых иммигрантов как рабочую силу, но отвергает их в повседневных социальных взаимодействиях. Этих новых иммигрантов трудно назвать «новыми»:

в фокусе дискриминации оказались люди из граничащих с Аргентиной стран, таких как Боливия и Парагвай, чье присутствие в Аргентине остается стабильным со времени переписи населения 1869 г.: не менее 2% и не более 3,1 % населения. Рожденных в Аргентине детей этих иммигрантов часто называют боливийцами; это слово также широко используется в отношении мигрантов с северо-запада и малоимущих в целом.

Описанный выше феномен получил развитие в 1990-х, когда безработица выросла сначала до 15%, а после — до 23%. Массовые представления о «крадущих работу» иммигрантах широко распространены и в других обществах, однако Аргентина демонстрирует нетипичный случай. На фоне экономического кризиса 2002 г. произошло резкое снижение ксенофобии; в 2004 г. был единогласно принят закон, защищающий права мигрантов. Исследователи приходят к выводу, что ключевые расистские и классово дискриминирующие установки сохраняются, порождая форму социального расизма, но не получают ксенофобского политического выражения.

Тем не менее, каждый раз, когда во время рецессии возрастает безработица, дискурс дискриминации приобретает публичное влияние и находит сторонников. До тех пор, пока представления о разнообразии лишь дестабилизируют традиционный само-образ Аргентины как европейской страны и не замещаются более демократичным, инклюзивным и культурно разнообразным видением общества, расовая и классовая несправедливость будут сохраняться. ■

Корреспонденцию направляйте Алехандро Гримсону <alegrimson@gmail.com>

> Социальное неравенство

в современной Аргентине

Агустин Сальвио и Беренисе Рубио, Университет Буэнос-Айреса, Аргентина

Богатые и бедные районы Буэнос-Айреса.
Фото: Хуан Игнасио Пиовани.

Большинство латиноамериканских обществ характеризуются низким уровнем экономического развития и очевидным неравенством между различными слоями населения. Однако в середине XX века аргентинскому обществу удалось стать исключением из этого правила, достигнув высокого уровня урбанизации, обеспечив полную занятость населения и всеобщий доступ к здравоохранению. К тому времени Аргентина «доросла» до продвинутой средней

>>

стадии промышленного развития, и в стране был широко представлен средний класс. Всё это рисовало картину относительно интегрированного общества с умеренным неравенством и высокой социальной мобильностью.

Однако это общество колоссально изменилось, отказавшись от мечты о прогрессивном будущем. Главные изменения произошли в конце XX века в связи с неолиберальными структурными реформами. Аргентина не смогла избежать ловушки экономической отсталости: либерализация экономики, отсутствие контроля над рынком и повышение финансовой «гибкости» привело к нестабильности, росту безработицы, бедности и социальной маргинализации. При этом пострадали также системы здравоохранения, образования и социальной защиты.

В результате этих процессов сформировалось общество, в котором наблюдаются глубокое неравенство, множество внутренних конфликтов и растёт социальная напряжённость. Этот замкнутый круг привёл Аргентину к экономическому, социальному и политическому кризису 2001–2002 гг. — самому серьёзному в современной истории страны.

В противоположность этому первое десятилетие XXI века, не в последнюю очередь благодаря благоприятной международной ситуации, доказало, что некоторое экономическое, трудовое, социальное и политическое восстановление всё-таки возможно. Однако этот период продолжался недолго: экономика перешла в режим стагнации, и структурная фрагментированность общества в очередной раз вышла на передний план. К 2015 году в аргентинском обществе сформировалось несколько различных маргинализованных, бедных и исключённых сегментов. Около 30% населения можно считать бедным, при этом 6% живут в нищете и не способны позволить себе качественные продукты. Бедность усугубляется дальнейшей маргинализацией городского населения: в 35% домохозяйств нет канализации, в 20% — водопровода, а 15% городских жителей живут в опасных жилищных условиях.

Интерпретации социальных предпосылок бедности различны: от отрицания до шовинизма и виктимизации. Слишком часто аргентинцы представляют себе, что живут в гомогенном, сплочённом, интегрированном и меритократическом обществе. Эту стереотипную картину государство продвигало в процессе национального строительства, а позже этот миф был укреплён в ходе формирования относительно зажиточного среднего класса. Однако есть и другие аргентинцы, полагающие, что они живут в одной из беднейших и позорнейших стран мира, страдающей от худших в мире социальных, политических и экономических проблем.

Сознание граждан, СМИ и политический дискурс Аргентины пронизаны противоречащими друг другу образами славного прошлого и упадочного настоящего. В этом кон-

тексте представляется актуальным Аргентинский национальный опрос о социальной структуре (ENES), один из главных проектов Национальной исследовательской программы Аргентины по современному обществу (PISAC). Этот опрос изучает, каким образом структуры социального неравенства связаны с жилищными условиями, уязвимостью определённых групп населения и отдельных социальных сегментов. Поскольку в Аргентине не существует надёжной базы социальной статистики или глубинных структурных исследований общества, ENES представляет значительный вклад в аргентинскую социальную науку. Опрос одновременно предоставляет первичные данные и исследует такие ключевые проблемы, как стратификация и социальная мобильность, местожительство, условия проживания и репродуктивные социальные стратегии в различных регионах, сегментах и социальных группах. Что немаловажно, опрос ENES также помогает сконструировать образ общества, основанный на реальном опыте, и бросить вызов стереотипной саморепрезентации, базирующейся на мифах.

Так, например, данные опроса показывают, что социальная структура Аргентины в настоящее время характеризуется гетерогенностью, фрагментированностью и выраженным неравенством. Менее чем 3% составляет верхушка общества — политико-экономическая элита, которую составляют традиционные семьи и новая буржуазия. Далее мы видим высший средний класс, включающий корпоративных директоров, высококвалифицированных профессионалов, предпринимателей, сельхозпроизводителей и владельцев торговых предприятий средней руки, а также квалифицированных технических специалистов и наёмных работников в самых динамичных экономических секторах. Вместе с элитами эти сегменты составляют примерно треть всего общества. Уровень образования, качество жизни и паттерны потребления этих социальных секторов Аргентины сходны с теми, которые демонстрируют представители среднего класса на юге Европы, что свидетельствует о сильной интеграции данных секторов в западную культуру. Большинство индивидов, принадлежащих к этому слою общества, живут в Буэнос-Айресе и его пригородах, а также в главных городах Центральной Пампы и охраняемых жилых комплексах в столицах провинций.

Ниже по социальной лестнице находятся 33% населения, представляющие собой стагнирующий средний или низший средний класс. Данная когорта включает владельцев небольших фирм, средне- и низкоквалифицированных работников, пенсионеров и некоторых независимых профессионалов. Доходы этих групп возвышаются над чертой бедности, а их рабочие места относительно стабильны (в том числе посредством рабочих мест эти индивиды связаны с национальной системой социального обеспечения). Тем не менее, в этом слое почти не наблюдается восходящая социальная мобильность. Эта группа высокочувствительна к экономическим спадам и технологическим нововведениям. В ситуации упадка си-

>>

стемы государственных услуг низший средний класс нередко обращается к услугам частного транспорта, здравоохранения и образования, чтобы улучшить качество жизни. Однако часто эти усилия не имеют успеха.

Наконец, в основании пирамиды находятся последние 33% аргентинского населения. Это обедневший бывший средний класс, новые бедные и социально исключённые слои. Данная когорта в основном включает неквалифицированных самозанятых работников, неформально занятых работников микропредприятий, сельских работников и мелких фермеров из периферийных регионов. Как правило, эти индивиды получают доход от нерегулярной занятости и социальных пособий. Именно они являются главными потребителями низкокачественных государственных услуг и основными пользователями разваливающейся инфраструктуры государственного образования и здравоохранения. Обычно они проживают в пригородах, находящихся в состоянии упадка, или же в крупных многоквартирных социальных домах (особенно на северо-западе и северо-востоке Аргентины).

Многие домохозяйства последней группы страдают от серьёзной нехватки инфраструктуры и подвержены экологическим рискам. К данному сегменту также относится большинство безработных (9%) и неформально трудоустроенных (30%) граждан страны. Он также включает 45% молодых людей, не окончивших старшие классы школы, 15% несовершеннолетних работников и 8% детей, страдающих от серьёзной нехватки продовольствия. Помимо того, женщины и девочки в этих домохозяйствах подвергаются небывалому экономическому, социальному и культурному исключению. Часто им приходится бросать школу лишь после нескольких лет обучения, так как дальше они вынуждены заниматься домом или работать в неформальном секторе занятости.

Команда исследователей из различных учреждений в настоящее время занимается анализом данных, полученных в результате ENES, с целью составить, вероятно, наиболее полное на сегодняшний день представление о современном аргентинском обществе. Работа подходит к завершению, и мы уже видим, насколько глубоко проявляются гетерогенность и неравенство в нашем обществе. Выходит на поверхность различный опыт бедности, переживаемый аргентинцами, и связанные

с ним социальные ограничения. Результаты исследований также бросают вызов неолиберальным дискурсам, распространённым в Аргентине и во всём южноамериканском регионе. Согласно этим дискурсам, социальные достижения представляются результатом личных стараний индивида в рамках меритократического общества, а бедность является следствием личной неудачи. Наши данные выявляют неблагополучие жилищных условий и общий дисбаланс структуры возможностей аргентинского общества. Анализ показывает, как взаимосвязанные формы неравенства сосредотачиваются в определённых регионах, среди определённых социальных групп в рамках ригидной социальной структуры, выйти из которой удаётся лишь единицам.

Опрос ENES основывается на выборке, включающей более восьми тысяч домохозяйств и более чем 27 тысяч индивидов в 399 городах населением более 2000 человек в различных провинциях Аргентины. Результаты опроса показывают, каким образом пересекаются различные формы неравенства: классовое, гендерное, возрастное, региональное, экологическое, связанное с образованием и т. д. Данные ENES формируют сложную картину общества, дающую возможность проводить обобщения на региональном уровне и сравнивать регионы между собой. Исследование указывает на структурную неоднородность и внутренние социальные разрывы, которые не были обнаружены в ходе предыдущих опросов, проводившихся лишь в крупных городах.

Данный тип исследования поможет нам лучше понять причины бедности, маргинализации и социального неравенства в Аргентине. Мы собираемся обнародовать результаты не только в научных кругах, но и среди широкой публики. Тем самым мы надеемся завязать демократическую дискуссию о том, как двигаться дальше. Мы также надеемся, что собранные нами научные данные смогут обогатить и интенсифицировать существующие общественные дебаты, бросить вызов редуccionистским и упрощенческим социальным дискурсам, а также помогут сформировать государственную политику, направленную на решение накопившихся в Аргентине социальных проблем. ■

Корреспонденцию направляйте:
Агустину Сальвиа <alegrimson@gmail.com>
Беренисе Рубио <beer.rubio@gmail.com>

> Изучение социального капитала в Аргентине

Габриэль Кесслер, Национальный университет Ла-Платы, Аргентина, член ИК МСА по социологии будущего (ИК07), социальной стратификации (ИК28) и социальной психологии (ИК42)

Танцевальная группа выступает на Дне памяти, истины и справедливости (2016 г.) в 40-ю годовщину военного переворота. В этот день тысячи аргентинцев участвуют в публичных демонстрациях, прежде всего — в защиту прав человека.
Фото: Хуанхо Домингес.

Как выглядят микросоциальные отношения в Аргентине? Как они варьируют внутри страны и в чем их специфика в сравнении с другими регионами мира? Какое влияние на их формирование оказало прошлое Аргентины и период неолиберализма? Общенациональный опрос общественного мнения по социальным отношениям (ENRS), проводимый в рамках Национальной исследовательской программы PICAS, будет искать ответы на эти вопросы, уделяя особое внимание вопросам социального капитала, социальности, самоидентификации, социальных барьеров, напряженности, проблематике общественного участия и коллективного действия. По своему географическому и тематическому охвату опрос является первым в своем роде и нацелен на значительное приращение знания об аргентинском обществе. Кроме того, это исследование сможет стать образцом для других латиноамериканских стран.

Предыдущие исследования, проведенные в Аргентине, рассматривали сети и социальный капитал, исходя из традиционной перспективы, анализируя, например, сети социальной поддержки наиболее уязвимых групп после кризиса 2001 г. При разработке ENRS мы руководствовались международным опытом таких исследований, надеясь получить результаты, сравнимые с другими страновыми

контекстами. При этом индикаторы были откорректированы в соответствии с местными характеристиками. На настоящий момент пилотный этап исследования микросоциальных отношений в Аргентине (как качественная, так и количественная составляющая) успешно завершен, и основные работы по проекту запланированы на ноябрь 2017 г. Здесь мы представляем его основные идеи и гипотезы.

Как персональные сети различаются в разных социальных группах? Можем ли мы найти закономерности и регулярности, и если да, то каковы их паттерны? Для ответа на эти вопросы мы используем генератор имен, позволяющий реконструировать персональные социальные сети интервьюируемых. Ключевая задача заключается в том, чтобы выявить паттерны строительства социальных сетей, восходящие к периоду большей сплоченности аргентинского общества в прошлом, и те, что привнесла современная неолиберальная фаза (как это описывают [Сальвия и Рубио](#) в этом выпуске ГД). В частности, мы задаемся вопросом, являются ли социальные сети пожилых людей более гетерогенными, чем сети молодых поколений, социализация которых проходила в более фрагментированном обществе. С другой стороны, международный опыт, как развитых стран, так и Латинской Америки пока-

>>

зывает, что более низкая позиция в социальной структуре коррелирует с включением в персональные сети большего числа родственных и пространственно близких отношений. По нашей гипотезе, другие критерии дифференциации, такие как политическая принадлежность, культурная близость и сходство в потребительском поведении, будут перекрывать классовые границы. Также имеют значение изменения в гендерных отношениях, и мы ожидаем найти больше разнообразия в сетях молодых женщин, учитывая их растущее участие во всех сферах общественной жизни. Мы также постараемся выяснить, влияет ли вовлеченность молодых людей в виртуальный мир на их сети за пределами Интернета. В исследовании также будут рассмотрены различия между наиболее современными и наиболее традиционными регионами страны.

Что мы понимаем под социальным капиталом? И как его можно измерить? Это тема второго модуля опроса. Мы серьезно относимся к идее социального капитала, определяя его с точки зрения отношений и ресурсов. Действительно, не все отношения имеют одинаковую «ценность», ибо эта «ценность» создается количеством и качеством ресурсов, которые они могут мобилизовать. В угаре неолиберализма правящие организации, похоже, «забыли» про это свойство; многие политики полагают, что для преодоления критических ситуаций бедные могут обратиться к своим близким (которых они и называют «социальным капиталом»), не принимая во внимание, что нехватка ресурсов у родственников оспаривает саму идею капитала.

В Латинской Америке по поводу этой проблемы сосуществуют две противоположные позиции. С одной стороны, классическая перспектива моральной экономики (связанная с новаторской работой чилийского антрополога Ларисы Ломниц 1970-х гг.) утверждает, что социальные сектора, неспособные удовлетворить свои потребности при помощи рынка или государства, выживают с помощью сетей. Поэтому в маргинализированных группах можно ожидать более сильные сети жизнеобеспечения. С другой стороны, согласно идее Роберта Кастеля о разрыве связей (disaffiliation), исключение из рынка труда коррелирует со снижением социального положения, и в период неолиберализма это явление приобрело широкое распространение. Исключение из рынка труда также скорее подрывает, а не усиливает социальные отношения на микроуровне. Как мы полагаем, для наиболее уязвимых, малоимущих социальных секторов характерны обе тенденции, поэтому задача заключается в объяснении, почему в некоторых случаях мы обнаруживаем разрыв, а в некоторых укрепление социальных связей.

Мы также будем исследовать связи между сетями и ресурсами: выяснять, что распространяется, среди кого и каким образом. Системы обменов включают товары, трудовые договоры, заботу и уход (cage), консультации и поддержку различных типов. Мы надеемся понять различия в ресурсах, которыми обмениваются разнородные социальные группы. Кроме того, нас интересуют способы и формы циркуляции денег: займы, подарки, платежи третьих сторон и т. д. Мы планируем исследовать, что люди отдают и что получают, и составить общую картину циркуляции и реципрокности. И здесь тоже мы воспринимаем идею социального капитала всерьез, поскольку ищем

«золотой контакт», то есть того члена сети, который в силу имеющихся в его распоряжении ресурсов власти, денег и/или социальных контактов находится в привилегированном положении и сможет быть особенно полезным в ключевые моменты.

А как насчет разных форм социальности? Это вопрос четвертого модуля, в котором основное внимание уделяется дружбе, семье и другим эмоционально нагруженным контактам, как лицом к лицу, так и виртуальным, в которых капитал или обмен играют меньшую (или другую) роль. Мы также исследуем типы отношений и частоту контактов с родственниками у представителей разных социальных групп.

Что касается виртуального мира, мы предполагаем, что виртуальные отношения совсем не приводят к снижению социальности. Напротив, виртуальные и «реальные» отношения усиливают друг друга, особенно среди молодежи. Но поскольку Аргентина - страна с интенсивной городской общественной жизнью, нас также интересуют места и пространства встреч и коммуникаций. Кроме того, мы изучаем связи с людьми из других стран, полагая, что они будут сильнее среди мигрантов и представителей высших классов вследствие международных контактов. Дружба в аргентинском обществе имеет жизненно важное значение, и мы задаемся вопросом о том, как и в каких пространствах в различных социальных средах завязываются дружеские отношения.

Модуль по самоидентификации и социальным барьерам исследует формы самоидентификации и их связь со строительством сетей. Мы надеемся определить, какие предубеждения и стереотипы служат барьерами в установлении отношений. Более того, поскольку конфликты являются частью микросоциальных отношений, в исследовании рассматриваются проблематичные отношения и типы конфликтов, включая все формы насилия и агрессии.

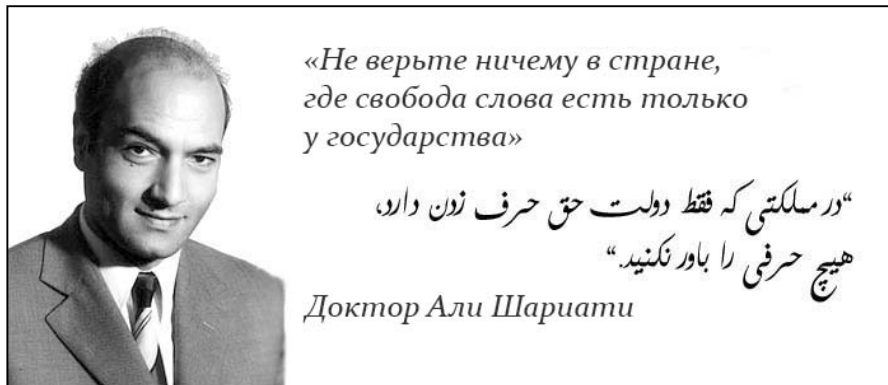
И последнее, но не менее важное. Для изучения общественного участия мы также исследуем организации, к которым принадлежат разные люди, время, инвестируемое ими в организацию, и деятельность, которую они выполняют. В целом предыдущие исследования показывают, что уровень общественного участия довольно низок, поэтому мы задаемся вопросом, изменилось ли общественное участие с развитием социальных медиа, и пытаемся охватить специфические и фрагментарные формы общественного участия, возможно, упущенные традиционными опросами.

Это лишь некоторые из вопросов и проблем, которые пытается объять наше исследование. Наряду с другими проектами PISAC мы надеемся создать глубокий и комплексный портрет аргентинского общества. Это позволит нам не только лучше узнать Аргентину, но и более активно участвовать в текущих международных социологических дискуссиях. И, что не менее важно, мы надеемся, что исследование заложит фундамент для развития общественной дискуссии и разработки социально информированной государственной политики. ■

Корреспонденцию направляйте Габриэлю Кесслеру <gabriel.kessler@yahoo.com.ar>

> Али Шариати, забытый социолог ислама

Сухил Расул Мир, Кашмирский университет, Шринагар, Индия

Али Шариати.

Для многих Али Шариати (1933–1977) — это Вольтер Иранской революции 1979 г. Он родился в религиозной семье, в 1963 году получил докторскую степень на факультете литературы и гуманитарных наук Сорбонны (Faculté des Lettres et Sciences Humaines), а умер в Англии в 1977 году. В Париже Шариати с увлечением читал социально-политические и философские работы западных авторов. Он испытал сильное влияние Карла Маркса, Жан-Поля Сартра, Георгия (Жоржа) Гурвича, Франца Фанона и Луи Массиньона. Многие в дореволюционном Иране почитали его, хотя он считался enfant terrible с политической периферии, «беспокойным исламским марксистом», которого нужно было заставить замолчать. Его уникальной чертой было то, как он сочетал религию с другими видами интеллектуального наследия.

Доктор Али Шариати был одним из многих мусульманских интеллектуалов, искавших решения проблем, с которыми мусульмане сталкиваются в современном, подчиняющемся Западу мире. С его точки зрения, но-

вый курс в области культуры, учитывающий свободу воли и автономию отдельного человека, помог бы мусульманским обществам справиться со структурными причинами их стагнации и недостаточного развития. В своих антиколониальных рассуждениях Шариати подчёркивает роль религии в освобождении общества. Вслед за Францем Фаноном, призывавшим к созданию «нового человека», Шариати ратовал за создание «нового мышления», «нового человечества» и более гуманной модерности, при которой никто не пытался бы превратить страны Третьего мира в копию Европы, Соединённых Штатов или Советского Союза.

Али Шариати, будучи одним из наиболее влиятельных мусульманских мыслителей XX века, сыграл большую роль в формировании полной религиозных представлений идеологии, сопровождавшей радикальные социальные и политические перемены в Иране в 1960-х – 1970-х гг. По этой причине многие учёные считают Шариати сторонником политического ислама. Одним из значительнейших расхождений между Шариати и улемами было то, что он

рассматривал роль и функцию религии в социологическом контексте в духе Макса Вебера и Эмиля Дюркгейма. Значительная часть работ Шариати посвящена марксизму. Он опирался на такие марксистские концепции, как исторический детерминизм и классовая борьба, чтобы «заново интерпретировать» ислам. Этот «теологический» или «теологизированный» марксизм — наиболее новаторская часть вклада Шариати в интеллектуальное наследие. С его точки зрения, обновлённая версия ислама нужна для того, чтобы добиться успеха там, где, как казалось, потерпел неудачу марксизм.

Согласно Шариати, религия как движение — это современная школа мысли или идеологическая школа, а религия как институт представляет собой совокупность догм. В «Религии против религии» Шариати обвинял духовенство в монополизации толкований ислама с целью установления клерикальной деспотии: говоря его собственными словами, такой режим стал бы наихудшим и наиболее репрессивным видом деспотии в истории человечества, «матерью всех деспотий и диктатур». Шариати

следующим образом описывал это различие: «Есть два аспекта религии, которые находятся в антагонистических отношениях друг к другу. Так, например, нет такого человека, кто ненавидел бы религию больше, чем я, и нет такого человека, который возлагал бы на религию больше надежды, чем я». Шариати преуспел в создании радикальной религии для простых людей, отделённой от традиционного духовенства и ассоциирующейся со светским триединством социальной революции, технологического прогресса и отстаивания своей культуры.

Шариати считал, что общественные преобразования увенчаются успехом, если просвещённые мыслители — интеллигенция — осознают, что истинного есть в их вере. Интеллигенция, как утверждал Шариати, является требовательной совестью общества и отвечает за то, чтобы запускать в обществе процессы возрождения и реформации. Соответственно, в молодости Шариати предпочитал концепцию «намеренной/направляемой» демократии. В «Сообществе и руководителях» он отстаивал идеи «намеренной/управляемой демократии», что означало,

что интеллектуалы обязаны поддерживать развитие общественного сознания и служить ориентирами для общественного мнения в послереволюционный переходный период. Будучи общественным деятелем, он всегда озвучивал идеи социальной справедливости и стремился к построению обществ, основанных на эгалитаризме. Для Шариати существующие демократические государства отличаются минимализмом. Максимализм Шариати заставлял его требовать радикальной демократии.

Сильные эгалитаристские настроения Шариати и постоянная критика классового неравенства делают его мыслителем-социалистом. Однако для него социализм не сводится к способу производства, социализм для него — образ жизни. Он критически относился к этатистскому социализму, в котором присутствует культ личности, партии и государства, и предлагал установить «гуманистический социализм». Согласно Шариати, источником законности государственной власти служат общественный разум и коллективное свободное волеизъявление народа. С его точки зрения, свобода и соци-

альная справедливость должны быть дополнены отвечающей времени духовностью. Эти три принципа, которые он выдвигает — свобода, равенство и духовность — невиданное ранее дополнение к концепции «альтернативной модерности».

В том числе благодаря наследию Шариати и действиям его современных последователей удалось разрушить ложные бинарные противопоставления ислама/модерности, ислама/Запада и Востока/Запада. Рассуждения Шариати, призывающие к тому, чтобы найти третий путь меж двух крайностей, созвучны с другими современными реформистскими идеологиями, такими как исламский либерализм Абдолкарима Соруша и Абдуллахи Ахмеда Ан-Наима. В работах Али Шариати, посвящённых социологии, в качестве исходного условия постулируются доминирование западной цивилизации в незападных обществах. Многие из его работ остаются столько же уместными и полезными в современном мире, как и во время их написания. ■

Корреспонденцию направляйте Сухилу Расулу Миру
<mirsuhailscholar@gmail.com>

> «Глобальный диалог» по-китайски

Цзин-Мао Хо.

Цзин-Мао Хо присоединился к команде «Глобального диалога» в 2010 году, когда был научным сотрудником-ассистентом у Дун-Шэн Чэня, заслуженного профессора социологии в Национальном университете Тайваня. Доктор Чэнь первые несколько лет руководил процессом перевода и редактуры (периодически ему также помогал социолог Мау-Куэй Чан, научный сотрудник тайваньской «Китайской академии» (Academia Sinica)). Цзин-Мао Хо с большим удовольствием и пользой для себя занимался переводом «Глобального диалога» как на традиционный, так и на упрощённый китайский с первого номера журнала. В настоящий момент он готовится к защите диссертации по социологии в Корнелльском университете в США; у него уже есть степень магистра социологии и компьютерных наук Национального университета Тайваня. Его работа, посвящённая комплексной роли публичных интеллектуалов в символическом пространстве, получила награду Тайваньской социологической ассоциации как лучшая магистерская диссертация. В своей докторской диссертации он применяет сравнительно-исторический подход к исследованию взаимосвязей между статистикой и построением национального государства. Он также занимается более общими исследованиями в научно-технологической области, в областях политической социологии, транснациональной социологии, методологии количественных исследований. ■

Корреспонденцию направляйте Цзин-Мао Хо:
<hojingmao@gmail.com>